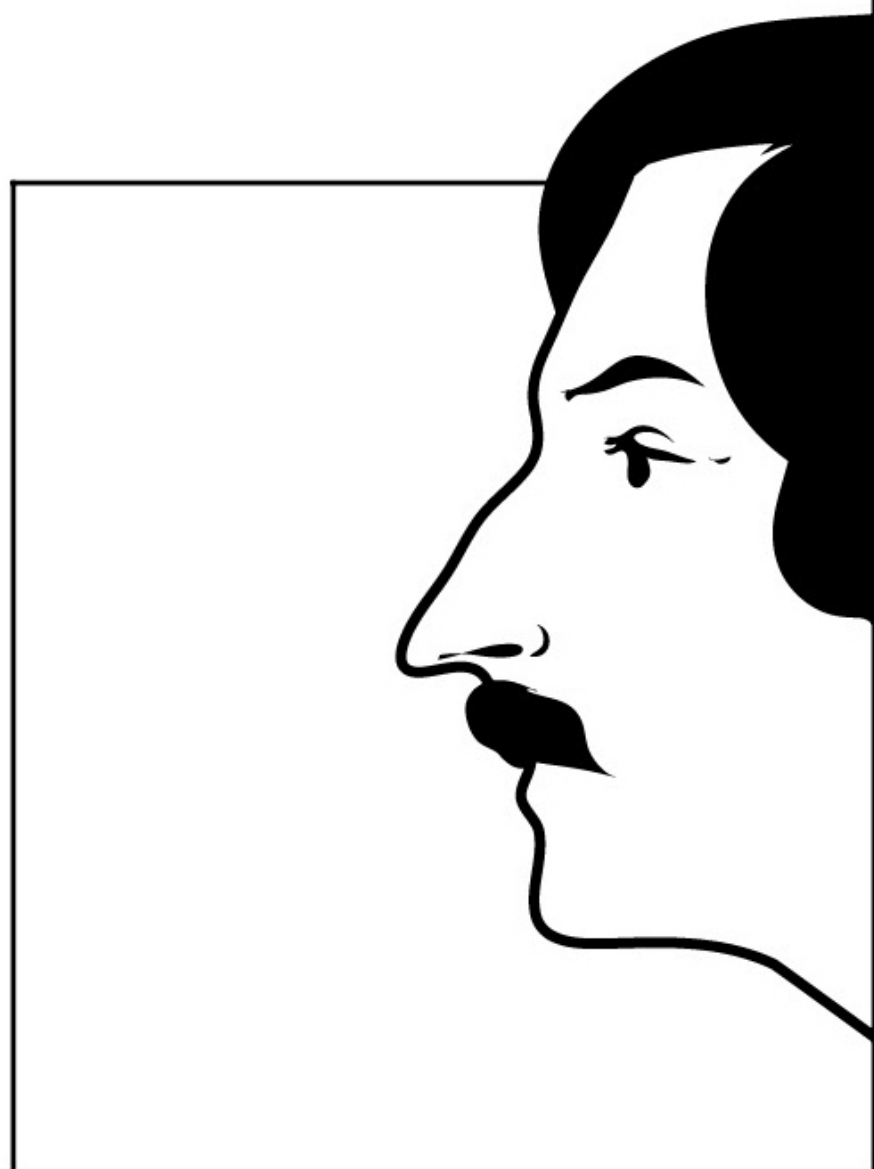

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Екатерина Дмитриева

ВТОРОЙ ТОМ «МЕРТВЫХ ДУШ»:

ЗАМЫСЛЫ И ДОМЫСЛЫ

Екатерина Дмитриева

**Второй том «Мертвых
душ». Замыслы и домыслы**

«НЛО»

2023

Дмитриева Е.

Второй том «Мертвых душ». Замыслы и домыслы /
Е. Дмитриева — «НЛО», 2023

ISBN 978-5-44-482334-2

Сожженный второй и так и не написанный третий тома поэмы Николая Гоголя «Мертвые души» — одна из самых загадочных страниц в истории русской литературы, породившая богатую мифологию, которая продолжает самовоспроизводиться и по сей день. На основе мемуарных и архивных данных Екатерина Дмитриева реконструирует различные аспекты этой истории: от возникновения авторского замысла до сожжения поэмы и почти детективного обнаружения ранней редакции пяти глав из второго тома шесть месяцев спустя после смерти Гоголя. Автор рассказывает о предполагаемых источниках продолжения «Мертвых душ», а также о восстановлении утраченных глав, ставшем возможным благодаря воспоминаниям современников, которые слушали чтение Гоголем полной редакции второй части. Отдельные разделы книги рассказывают о мистификациях и стилизациях, появлению которых в XIX–XX и XXI веках способствовало исчезновение гоголевской рукописи и пересмотру знаменитого тезиса о «Божественной комедии» Данте, якобы послужившей вдохновением для трехчастной архитектоники «Мертвых душ». Екатерина Дмитриева — доктор филологических наук, заведующая Отделом русской классической литературы ИМЛИ РАН, член академической группы по изданию Полного собрания сочинений и писем Н. В. Гоголя, ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

ISBN 978-5-44-482334-2

© Дмитриева Е., 2023

© НЛО, 2023

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
Глава 1	11
Замысел продолжения	11
Вдали от России	17
Первое сожжение	26
«Мертвые души» и «Выбранные места из переписки с друзьями»: диптих	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Екатерина Дмитриева

Второй том «Мертвых душ». Замыслы и домыслы

УДК 821.161.1(092)8Гоголь Н.В.

ББК 83.3(2=411.2)52-8Гоголь Н.В.

С86

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научное приложение. Вып. CCLVIII

Екатерина Дмитриева

Второй том «Мертвых душ»: замыслы и домыслы / Екатерина Дмитриева. – М.: Новое литературное обозрение, 2023.

Сожженный второй и так и не написанный третий тома поэмы Николая Гоголя «Мертвые души» – одна из самых загадочных страниц в истории русской литературы, породившая богатую мифологию, которая продолжает самовоспроизводиться и по сей день. На основе мемуарных и архивных данных Екатерина Дмитриева реконструирует различные аспекты этой истории: от возникновения авторского замысла до сожжения поэмы и почти детективного обнаружения ранней редакции пяти глав из второго тома шесть месяцев спустя после смерти Гоголя. Автор рассказывает о предполагаемых источниках продолжения «Мертвых душ», а также о восстановлении утраченных глав, ставшем возможным благодаря воспоминаниям современников, которые слушали чтение Гоголем полной редакции второй части. Отдельные разделы книги рассказывают о мистификациях и стилизациях, появлению которых в XIX–XX и XXI веках способствовало исчезновение гоголевской рукописи и пересмотру знаменитого тезиса о «Божественной комедии» Данте, якобы послужившей вдохновением для трехчастной архитектоники «Мертвых душ». Екатерина Дмитриева – доктор филологических наук, заведующая Отделом русской классической литературы ИМЛИ РАН, член академической группы по изданию Полного собрания сочинений и писем Н. В. Гоголя, ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

ISBN 978-5-4448-2334-2

© Е. Дмитриева, 2023

© С. Тихонов, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

Светлой памяти Ю. В. Манна

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гоголь был лгун. Вершиной романтического искусства считалось стремление открыть перед читателем душу и сказать «правду». Вершиной гоголевского искусства было скрыть себя, выдумать вместо себя другого человека и от его лица разыгрывать романтический водевиль ложной искренности. Принцип этот определял не только творческие установки, но и бытовое поведение Гоголя. <...> Есть своеобразный курьез в том, что писатель, ставший знаменем правдивого изображения жизни в русской литературе, и в творчестве, и в быту любил врать.

Так начиналась последняя, уже надиктованная, статья Ю. М. Лотмана¹. Тезис о лгуне можно было бы и перефразировать: не лгун, но мистификатор, загадавший в своей жизни (и своей жизнью) немало загадок. Хотя в случае Н. В. Гоголя это почти одно и то же. Но, что примечательно, причины «страсти», или, если воспользоваться гоголевскими словами, «задора», уже первыми биографами назывались принципиально разные. Для одних это было врожденное свойство гоголевского темперамента, его предрасположенности к карнавальной, ярмарочной стихии, которая дает себя знать не только в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», но и более поздних произведениях. И это представление удержится вплоть до работ М. М. Бахтина, Ю. В. Манна, Ю. М. Лотмана.

Для других мистификации Гоголя представлялись, напротив, следствием глубокой скрытности его натуры, заставляющей его в различных как жизненных, так и творческих ситуациях «заметать следы». «Таинственным Карлой» называли его сверстники. Да и сам он за несколько месяцев до окончания гимназии писал матери: «Правда, я почитаюсь загадкой для всех, никто не разгадал меня совершенно»².

И, что важно, эта страсть к мистификациям распространялась у Гоголя на самые разные сферы. В первую очередь на бытовую, что на самом деле ставит перед исследователями его творчества острый вопрос о возможности использования его, в частности, писем и авторефлексии по поводу собственных произведений как *достоверного источника*. Однако нередко подобного рода намеренное «запутывание следов» встраивалось и в саму телеологию гоголевского творческого замысла, будучи зашифрованным в пространстве художественного текста³.

И все же одной из самых серьезных, интригующих и до сих пор не решенных (и нерешаемых) загадок в гоголевском наследии остается загадка второго тома «Мертвых душ», апофеозом двукратного (по другой версии – трехкратного) сожжения которого стало полыхание огня в камине дома А. П. Толстого на Никитском бульваре в ночь с 11 на 12 февраля 1852 года. Огонь уничтожил как будто бы уже совершенно готовую рукопись второго тома поэмы. Говорю «как будто бы», поскольку о существовании полностью законченного тома мы имеем весьма косвенные данные: туманные высказывания самого Гоголя и исполненные надежды пророчества его современников.

---

¹ Лотман Ю. М. О «реализме» Гоголя // Лотман Ю. М. О русской литературе: ст. и исслед. (1958–1993): история рус. прозы, теория лит. / Вступ. ст. И. А. Чернова. СПб., 1997. С. 694.

² ПСС-1. Т. X. С. 123. Здесь и далее все письма Гоголя, если не оговорено иное, цитируются по изд.: ПСС-1.

³ Разительный пример ранней художественной мистификации Гоголя – финальные строки повести «Страшная месть», входящей во вторую часть цикла «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Слепой бандурист исполняет песню про *Хому и Ерему и стокляра Стокозу*. Имя Стокозы, игриво вписанное Гоголем в фольклорный контекст Хомы и Еремы, на протяжении полутора столетий вводило в заблуждение комментаторов и исследователей, пояснявших, что Стокоза есть персонаж украинского фольклора. А то, что Семен Стокоза был не кем иным, как гоголевским дядькой, при этом забывалось. Гоголь победил!

Противоречивой была и история обнаружения пяти глав второго тома, неравнозначных сожженным, но все же дававших некоторое представление о том, как должно было развиваться действие поэмы далее. Печаль, которую испытали друзья Гоголя при мысли о потере второго тома, постепенно стала сменяться некоторой, поначалу робкой, надеждой на возможность его вновь обрести. Параллельно возникали домыслы и о тех людях, друзьях Гоголя и его доверенных лицах, в чьих руках мог все же сохраниться список утраченного текста. Однако те, кто пришел в дом А. П. Толстого на Никитском бульваре 21 февраля (день кончины Гоголя), никаких бумаг в его комнате не нашли. И отсутствие это было подтверждено документами Московской городской полиции об осмотре вещей Н. В. Гоголя. Шесть месяцев спустя, после вскрытия комнаты Гоголя, по-прежнему в ней особо ценных бумаг не обнаружили. И только несколькими днями позднее вдруг случилось неожиданное: бумаги Гоголя были найдены, и среди них – «Объяснение на Литургию» и черновые главы второго тома «Мертвых душ». Кто конкретно обнаружил эти главы, у кого они хранились все шесть месяцев после кончины Гоголя, по сей день остается загадкой почти детективного свойства.

Особенность обнаруженных рукописей заключалась в том, что они состояли словно из двух слоев. Создавалось ощущение, что на каком-то этапе Гоголь начинал переписывать набело текст, попутно подвергая его не слишком значительной правке. А затем уже по этому тексту, видимо по прошествии некоторого времени, текст существенно переправил и дополнил, внося исправления и на полях, и между строк.

Когда С. П. Шевырев, которому друзья Гоголя и его семья поручили расшифровку глав, стал готовить для печати текст второго тома, он в основном принял во внимание тот текст, который в рукописи прочитывался уже после внесенной в него правки. Понадобилось три года, чтобы получить разрешение этот текст опубликовать.

П. А. Кулиш, который готовил следующее издание, расслоил рукопись, сформировав таким образом две редакции: «первоначальную», которая прочитывалась по нижнему слою рукописи, и «исправленную», которая представляла собой верхний слой.

Но и с этим оказалось не все так просто. Казалось бы, «исправленная» версия в издании Кулиша (1857) должна была быть идентичной той, которую напечатал Шевырев в так называемом издании Н. Трушковского (племянника Гоголя) в 1855 году. Однако тексты выглядели как неидентичные. Помимо не прочитанных Шевыревым отдельных мест, которые впоследствии были разобраны, различие было вызвано еще и тем, что промежуточная правка, имевшаяся в рукописи, субъективно могла быть отнесена и к нижнему, и к верхнему слою. И каждый, кто заново пытался читать и расшифровывать гоголевские рукописи второго тома, предлагал свой вариант, не полностью совпадавший с предыдущим.

Собственно, в этом кроется и причина той мифологии, что возникла вокруг второго тома и не прекращает вокруг него самовоспроизводиться. Советская текстологическая традиция, предполагающая обязательную выработку «белового» или «окончательного» текста, ситуацию только усложнила. С легкой руки Шевырева статус «основного» (канонического) текста был придан верхнему слою рукописи, который читателю, с рукописью Гоголя незнакомому, стал представляться как отражающий некий беловой манускрипт. Нижний же слой стал попадать в раздел «Других редакций» и подавался как черновой⁴. И оттого стало казаться, что рукописей второго тома «Мертвых душ» существует несколько.

Не решило эту проблему и последнее академическое издание, в котором, правда, «основная редакция» (в отличие от большинства предыдущих изданий) дается по нижнему слою, а черновая – по верхнему⁵. Но принципиально положения дел это не изменило.

---

⁴ См., в частности, «старое» акад. изд.: ПСС-1. Т. VII.

⁵ См.: ПСС-2. Т. 8. М., 2020 (изд. продолжается).

Подобная текстологическая аберрация (бывшая, разумеется, следствием соображений самых благородных – и во благо читателя, которого не хотелось запутывать вопросами слишком специальными и частными) стала причиной и дальнейших – вольных и невольных – фальсификаций. Стоило только кому-то обнаружить в архиве или в частной коллекции новый список второго тома (а их в общей сложности, как будет показано дальше, существует множество), он сразу же воспринимался как сенсация. И это потому, что идеального совпадения с печатным текстом в списках не обнаруживалось.

Именно потому основная задача данной книги, во многом выросшей из работы над подготовкой второго тома «Мертвых душ» в составе нового академического собрания сочинений Гоголя, – пролить свет на те обстоятельства, которые сопровождали создание глав второго тома, их сожжение и дальнейшее их обнаружение. Документальные материалы (извлечения из гоголевской переписки, воспоминания современников), стоит их поместить рядом, демонстрируют не только скрытность Гоголя во всем, что касалось его творческих планов, но еще и невозможность даже *post factum* реконструировать однозначно ход работы над продолжением поэмы. Иногда, читая его письма, думаешь, что он и вовсе в какой-то момент (а таких моментов на самом деле множество) оставляет замысел продолжения. И вдруг, как по мановению волшебного жезла, мы узнаём, что он уже устраивает чтение глав для своих друзей. Но рукопись при этом тщательно прячет. И остается тайное сомнение (в особенности, если учитывать дар гоголевской импровизации): не была ли то игра «с чистого листа», подобная той, которой славился Кристоф Виллибальд Глюк и которая была увековечена в рассказе «Кавалер Глюк» Э. Т. А. Гофмана? Писателя, с которым ведь недаром сравнивали Гоголя.

Истории работы Гоголя над вторым (а возможно, и третьим) томом «Мертвых душ», его сожжению, истории обнаружения рукописи – иными словами, тому, что составляет одну из наиболее загадочных страниц истории русской литературы и непосредственно творческого наследия писателя, посвящены две первые главы данной книги: «Созидание» и «Судьба рукописи». Особое место занимают соответственно в каждой из них две своего рода «вставные новеллы» – «„Мертвые души“ и „Выбранные места из переписки с друзьями“: диптих» и «Реконструкция замысла». В первой предпринята попытка ответить на вопрос: какая роль в замысле продолжения поэмы была отведена «Переписке» и почему задача, поставленная перед собой Гоголем, оказалась, по его собственному признанию и пониманию, невыполненной? Или все-таки выполненной? Некоторые дополнительные сведения об интертексте, который образуют совокупно второй том и «Выбранные места из переписки с друзьями», можно найти в последней главе «Varia».

Глава третья «Генезис и поэтика» включает в себя раздел, посвященный возможным литературным источникам поэмы. Отдельно в ней рассматривается вопрос о возможной соотнесенности трехчастного замысла поэмы «Мертвые души» с «Божественной комедией» Данте – красивая концепция, широко бытующая и в наши дни, но документально очень слабо подкрепленная. А потому и относящаяся скорее к герменевтической ситуации второго тома, нежели к его генезису. Последующие разделы главы посвящены вопросу о возможных прототипах персонажей, появившихся в продолжении поэмы, особенностях ее ономастики и «хронотопа». И, конечно, жанровой специфике.

В последнем разделе отдельно рассматривается вопрос об утопическом субстрате второго тома, что, конечно же, не было абсолютным исключением в наследии Гоголя – писателя, чье творчество традиционно подвергалось и подвергается, казалось бы, взаимоисключающим толкованиям. Романтик, реалист, социальный обличитель, писатель по преимуществу барочный, мистик и религиозный мыслитель, предтеча символизма, предтеча сюрреализма, предтеча авангарда, человек абсолютно асоциальный, ни с кем не уживающийся, – и исполненный гражданского пафоса верноподданный, патриот и космополит, человек, всю свою жизнь шедший к Богу, и художник, «водящийся» с чертом, – все эти бытующие в литературоведении опреде-

ния естественно накладываются и на историю истолкования второго тома. При этом его статус дефектного текста, предполагающий существование когда-то другого текста, более совершенного в глазах читателя (хотя отнюдь не совершенного для самого автора), делает подобного рода палимпсест⁶ в особенности суггестивным. А потому история истолкования второго тома в отечественной и зарубежной критике будет представлена в главе 4 («Герменевтика») в модальности case-study – размышлений о характерологии Чичикова и возможности его дальнейшей эволюции, телеологии сожжения рукописи Гоголем, попыток вписать второй том в эзотерическую и святоотеческую традицию, настойчивого желания применить к нему квазисоциологический подход⁷.

Желание додумать и дописать за Гоголя второй и, возможно, третий том получает оправдание в самой истории текста. И в истории его обнаружения. И в истории бытования. Как выясняется, именно второй том «Мертвых душ» стал одним из наиболее мощных смыслопорождающих текстов русской литературы. О том свидетельствуют возникавшие в разные годы мистификации и стилизации, в которых незавершенность гоголевской поэмы оставляла широкое поле для «применений» и перенесения действия в новые времена – эпоху нэпа, советской России, сталинских лагерей и пр. Начало подобного рода «дописываниям» было положено романом А. Е. Ващенко-Захарченко «Мертвые души. Окончание поэмы Н. В. Гоголя. Похождения Чичикова» (1857). А едва ли не последним, очень ярким тому примером является роман В. Шарова «Возвращение в Египет. Роман в письмах» (2013), в основу которого лег замысел показать трагическую историю XX века как результат «недоговоренного, недосказанного откровения» гоголевской поэмы.

В завершение мне хотелось бы поблагодарить всех своих коллег, с которыми я работаю над изданием теперь уже не такого уж и нового академического Полного собрания сочинений и писем Н. В. Гоголя. И в особенности И. А. Зайцеву, А. С. Шолохову, Н. Л. Виноградскую, участвовавших вместе со мной в подготовке второго тома «Мертвых душ». Отдельная благодарность – научному редактору этой книги А. Г. Тимофееву, чье заинтересованное и в высшей степени профессиональное прочтение рукописи было очень важно для меня, в процессе нашей совместной работы. Сердечное ему спасибо. Разумеется, хочу выразить глубокую благодарность издательству Новое литературное обозрение, и прежде всего И. Д. Прохоровой и Т. Л. Тимаковой, без содействия которых книга просто не увидела бы свет. А также сотрудникам издательства – корректору О. Дергачевой, составителю указателя О. Понизовой и дизайнеру-верстальщику Д. Макаровскому. И, конечно же, Ю. В. Манну, без чьих трудов, на которых мы все выросли, без чьих советов и душевного внимания ко всему, что создавалось в области изучения Гоголя, книга эта была бы просто невозможна. Его светлой памяти я и осмеливаюсь посвятить данное сочинение.

---

⁶ Данной тематике был посвящен раздел «Стратегии канонизации Гоголя»: Новое литературное обозрение. 2010. № 4. С. 114–133.

⁷ О том, как в «толковательном каноне» происходит объединение свойств текста и социокультурных интересов и текст с учетом этого актуализируется, см.: Heydebrand R., von. Probleme des Kanons – Probleme einer Kultur- und Bildungspolitik // Vorträge des Augsburger Germanistentags, 1991 / hrsg. v. J. Janota. Bd. 4: Kultureller Wandel und die Germanistik in der Bundesrepublik. Tübingen, 1993. S. 3–22; Die Bildung des Kanons. Textuelle Faktoren – Kulturelle Funktionen – Ethische Praxis / hrsg. v. L. Ehrlich, J. Schildt u. B. Specht. Köln; Weimar; Wien: Böhlau-Verl., 2007.

Глава 1 СОЗИДАНИЕ

Замысел продолжения

То, что свой замысел «Мертвых душ» Гоголь не собирался ограничивать лишь одним томом, стало понятно еще в 1836 году, в самый разгар его работы над первой частью. В письме В. А. Жуковскому из Парижа от 31 октября (12 ноября) 1836 года, рассказывая о своей работе, Гоголь уже предложил целую программу дальнейшего развития поэмы: она будет носить характер эпический, и оттого непростой будет ее судьба:

Огромно велико мое творение, и не скоро конец его. Еще восстанут против меня новые сословия и много разных господ; но что ж мне делать! Уже судьба моя враждовать с моими земляками. Терпенье! Кто-то незримый пишет передо мною могущественным жезлом.

О том же самом, но гораздо конкретнее пишет он в это же время М. П. Погодину:

Вещь, над которой сижу и тружусь теперь и которую долго обдумывал, и которую долго еще буду обдумывать, не похожа ни на повесть, ни на роман, длинная, длинная, в несколько томов, название ей *Мертвые души* – вот все, что ты должен покаместь узнать об ней. Если Бог поможет выполнить мне мою поэму так, как должно, то это будет первое мое порядочное творение. Вся Русь отзовется в нем (письмо от 16 (28) ноября 1836 г., Париж).

Запомним впервые появившуюся здесь характеристику поэмы – «длинная, длинная, в несколько томов».

Когда же осенью 1840 года, оправившись от болезни, Гоголь возвращается в Рим, поселяется в старой своей квартире на Страда Феличе и работает над завершением первого тома «Мертвых душ», готовя его «к совершенной очистке», в письме С. Т. Аксакову он уже вполне определенно говорит о намерении поэму продолжать:

Между тем дальнейшее продолжение его выясняется в голове моей чище, величественней, и теперь я вижу, что может быть со временем кое-что колоссальное, если только позволят слабые мои силы. По крайней мере, верно, немногие знают, на какие сильные мысли и глубокие явления может навести незначущий сюжет, которого первые, невинные и скромные главы вы уже знаете. Болезнь моя много отняла у меня времени; но теперь, слава Богу, я чувствую даже по временам свежесть, мне очень нужную (письмо от 16 (28) декабря 1840 г., Рим).

В тот же день Гоголь сообщает М. П. Погодину не только об «обдумывании», но и об уже начатой работе над другим томом:

...занимаюсь переправками, выправками и даже продолжением *Мертвых душ*, вижу, что предмет становится глубже и глубже (письмо от 16 (28) декабря 1840 г., Рим⁸).

---

⁸ О том, что признание это могло быть не совсем достоверным и что прямых свидетельств самого Гоголя ни о замысле, ни о писательской работе над замыслом за 1840–1842 годов нет ни одного, кроме «обмолвки в письме к Погодину, которую тот воспользовался по-своему», см.: ПСС-1. Т. VII. С. 396–397.

Погодин, разумеется, обрадовался. Приняв на веру признание Гоголя, он тут же анонсировал в своем журнале «Москвитянин» скорое появление в печати также и продолжения поэмы, которую пока еще называл романом:

Гоголь написал уже два тома своего романа «Мертвые души». Вероятно, скоро весь роман будет кончен, и публика познакомится с ним в нынешнем году⁹.

Трудно сказать, что заставило Гоголя почти целый год держать обиду в себе (во всяком случае, мы не знаем, как он немедленно прореагировал на появившееся объявление). И только в феврале 1843 года, отвечая С. П. Шевыреву, который, как и Погодин, страстно ожидал появления второго тома, Гоголь упомянул о «давешней» погодинской дезинформации:

Понуждение к скорейшему появлению второго тома, может быть, ты сделал вследствие когда-то помещенного в «Москвитянине» объявления, и потому вот тебе настоящая истина: никогда и никому я не говорил, сколько и что именно у меня готово, и когда, к величайшему изумлению моему, напечатано было в «Москвитянине» извещение, что два тома уже написаны, третий пишется и все сочинение выйдет в продолжение года, тогда не была даже кончена первая часть.

Опровержение это имело еще и следующее пояснение:

Вот как трудно созидаются те вещи, которые на вид иным кажутся вовсе не трудны. Если ты под словом необходимость появления второго тома разумеешь необходимость истребить неприятное впечатление, ропот и негодование против меня, то верь мне: мне бы слишком хотелось самому, чтоб меня поняли в настоящем значении, а не в превратном. Но нельзя упреждать время, нужно, чтоб все излилось прежде само собою, и <...> ненависть против меня должна существовать и быть в продолжение некоторого времени, может быть, даже долгого. И хотя я чувствую, что появление второго тома было бы светло и слишком выгодно для меня, но в то же время, проникнувши глубже в ход всего текущего пред глазами, вижу, что всё, и самая ненависть, есть благо. И никогда нельзя придумать человеку умней того, что совершается свыше и чего иногда в слепоте своей мы не можем видеть, и чего, лучше сказать, мы и не стремимся проникнуть. Верь мне, что я не так беспечен и неразумен в моих главных делах, как неразумен и беспечен в житейских. Иногда силой внутреннего глаза и уха я вижу и слышу время и место, когда должна выйти в свет моя книга; иногда по тем же самым причинам, почему бывает ясно мне движение души человека, становится мне ясно и движение массы (письмо С. П. Шевыреву от 16 (28) февраля 1843 г., Рим).

О том, что информация о втором томе к тому времени уже не только обсуждалась в кругу литераторов, но и «пошла в народ», свидетельствует рассказ М. Г. Карташевской, племянницы С. Т. Аксакова, интенсивная переписка которой с Верой Аксаковой и по сей день служит важным источником сведений о Гоголе.

От *Колл* (Н. Г. Карташевского. – Е. Д.), – писала она своей двоюродной сестре, – получаем мы тетради писем. В последнем сообщает он нам очень странные подробности о Гоголе. Он был в самом Миргороде. Там нашелся какой-то человек, смотритель или городничий, не помню, который вздумал клеветать на Гоголя, и самым глупым и странным образом. Он уверяет,

---

⁹ [Погодин М. П.] Литературные новости // Москвитянин. 1841. № 2. С. 616.

например, что Гоголь сам не сочинитель, что все, что он издает под своим именем, – краденое. Что это сочинения дяди его, что и второй и все томы «Мертвых душ» давно написаны и что он должен их выкупить в Риме у дяди или у наследников дяди и для того и поехал в Италию. Как тебе это нравится, моя милая Верочка? Какой хитрый вымысел! Не готовит ли этот господин издать повесть на лица под этим содержанием? Как обрадуются ей гг. Сенковские и тому подобные. Я никогда не могла бы представить себе, что Гоголь имеет неприятелей в этом простом сословии своих соотечественников. Коля не мог написать всего, что он слышал, но этот смотритель до того наговорил ему, что, кажется, совершенно преклонил его на свою сторону (письмо от 23 мая 1843 г., С.-Петербург).

На самом же деле, если вчитаться в главы первой части «Мертвых душ» и в особенности в их черновые варианты, то можно заметить, что упоминания о продолжении поэмы, а также о том, что будущая «песня» будет отличаться по содержанию и «вдохновению» от предыдущей, обнаруживаются уже там.

«...две большие части впереди – это не безделица», – читаем мы в главе XI первой части, черновая редакция которой создавалась осенью 1840 года:

...как предстанут колоссальные образы, как двинутся сокровенные рычаги широкой повести, раздастся далече ее горизонт...¹⁰

Вспомним и знаменитые авторские признания в главе VII: «И долго еще определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями...»; «И далеко еще то время, когда иным ключом грозная выюга вдохновенья подыметесь из облеченной в святой ужас и в блистающие главы, и почуют в смущенном трепете величавый гром других речей...».

Более того: набросок (черновая редакция) седьмой главы дополнительно содержит не полностью вошедшее в окончательный текст перечисление героев, в которых уже можно усмотреть намеки на персонажей второго тома, в частности на Улиньку, Костанжогло (Скудронжогло) и Муразова: «...муж, одаренный божескими доблестями, или чудная русская девица <...> вся из великодушного стремленья и самоотверженья». Это они явят «несметное богатство русского духа», заставив почувствовать «в сей же самой повести <...> иные, еще доселе не бранные струны...»¹¹.

Внесение при работе над последними главами первого тома «штрихов, усиливающих личную связь автора с изображенным им миром», усиление в них позитивного начала было связано с тем, что, как считал Ю. В. Манн, Гоголь уже приступил к работе над вторым томом, в котором позитивное начало должно было выступать «еще сильнее и отчетливее»¹². Косвенное тому подтверждение можно найти и в воспоминании С. Т. Аксакова: «В словах Гоголя, что он слышит в себе сильное чувство к России, заключается, очевидно, указание, подтверждаемое последующими словами, что этого чувства у него прежде не было или было слишком мало. Без сомнения, пребывание в Москве, в ее русской атмосфере, дружба с нами и особенно влияние Константина <Сергеевича Аксакова>, который постоянно объяснял Гоголю, со всею пылкостью своих глубоких, свярых убеждений, все значение, весь смысл русского народа, были единственные тому причины»¹³.

---

¹⁰ ПСС-2. Т. 7. Кн. 1. С. 231, 227; Кн. 2. С. 280–281.

¹¹ Там же. Кн. 1. С. 210; Кн. 2. С. 244, 446. См.: В поисках живой души. С. 86–94.

¹² Там же. С. 79; о том, что внесение положительного начала в позднейшую редакцию глав первого тома, отразившееся и на работе над вторым томом, происходило у вернувшегося в Россию в начале осени 1841 года Гоголя под влиянием славянофилов и, в частности, К. С. Аксакова, см.: Там же. С. 80.

¹³ История моего знакомства с Гоголем. С. 49.

Остается при этом нерешенным вопрос: начинал ли работать Гоголь уже в 1841 году, в период подготовки к изданию первого тома и его прохождения через цензуру, над томом вторым? О том, что работа могла иметь место, упоминает П. В. Анненков, общавшийся с Гоголем весной и летом 1841 года и вспоминавший, что будто бы именно тогда им был «предпринят» второй том, который к 1842 году был уже готов («Нам уже почти несомненно известно теперь, что эта вторая часть в первоначальном очерке была у него готова около 1842 года (есть слухи, будто она даже переписывалась в Москве в самое время печатания первой части романа)»)¹⁴. Сам Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями», над которыми он будет работать в 1845–1847 годах, говорит о сожжении второго тома поэмы как о деле пятилетней давности. И это возвращает нас все к тому же 1841 году: «Не легко было сжечь пятилетний труд...»¹⁵, что косвенным образом подтверждает и письмо Н. А. Мельгунова Н. М. Языкову от 11 января 1841 года из Вены, в котором, казалось бы, совершенно неожиданно упоминается глава XVII поэмы: «Искренно благодарю Вас за литературные новости. Разве в самом деле Гоголь не написал романа „Мертвые души“? Откуда же взял Шевырев, который слышал 17-ю главу и многие другие?»¹⁶

Наконец, еще одно (весьма косвенное) указание на уже начатое в 1841 году обдумывание продолжения поэмы и на то, что второй том Гоголь собирался в то время завершить к 1844 году, обнаруживается в его письме от 5 (17) марта 1841 года (другая датировка – 21 февраля (5 марта) 1841 года¹⁷) С. Т. Аксакову:

Несмотря на мое болезненное состояние, которое опять немного увеличилось, я слышу и знаю дивные минуты. Создание чудное творится и совершается в душе моей, и благодарными слезами не раз теперь полны глаза мои. Здесь явно видна мне святая воля Бога: подобное внушение не происходит от человека; никогда не выдумать ему такого сюжета! О, если бы еще три года¹⁸ с такими свежими минутами! Столько жизни прошу, сколько нужно для окончания труда моего; больше ни часу мне не нужно.

Существует точка зрения, что именно в период между отъездом Гоголя из Рима (август 1841 года) и прибытием его в Москву (18 октября 1841 года) мысль о второй части «Мертвых душ» претерпела изменения: «...из безотчетно-расплывчатой она становится конкретной»¹⁹. Это подтверждается, в частности, и более поздним воспоминанием самого Гоголя о своем переезде из Рима в Москву как периоде, когда случилось «что-то особенное, что произвело значительный переворот в деле творчества», отчего «сочинение <...> может произойти слишком значительным» (письмо М. П. Погодину от 26 июня (8 июля) 1847 г., Франкфурт-на-Майне). «Я сказал, – вспоминал далее Гоголь, – что оно так будет значительно, что ты сам будешь от него плакать и заплачут от него многие в России, тем более что явится во время несравненно тяжелейшее и будет лекарством от горя».

К 1841 году относится также пометка Гоголя в записной книжке 1841–1844 годов, которую он начал заполнять в сентябре 1841 года при отъезде из Германии в Россию: «Развить

¹⁴ Анненков П. В. Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года // Анненков П. В. Литературные воспоминания / Вступ. ст. В. И. Кулешова; коммент. Л. М. Долотовой и др. М., 1989. С. 70, 100.

¹⁵ ПСС-1. Т. VIII. С. 297 (письмо датировано 1846 годом; см.: В поисках живой души. С. 79). Н. С. Тихонравов на основании этого же письма относил начало работы к 1840 году (см.: Сочинения Н. В. Гоголя. 10-е изд.: в 7 т. Т. 1–7. М.; СПб., 1889–1896. Т. 3. С. 536).

¹⁶ Литературное наследство. Т. 58. С. 606.

¹⁷ См.: Переписка Н. В. Гоголя: в 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайн. М., 1988. Т. 2. С. 16.

¹⁸ Н. С. Тихонравов полагал, что три года, необходимые Гоголю для окончания поэмы, «представали в это время еще как дата реальная» (Сочинения Н. В. Гоголя. 10-е изд. Т. 3. М., 1889. С. 536–537).

¹⁹ ПСС-1. Т. VII. С. 398.

статью о воспитании во 2-й части». Впервые проявлен здесь интерес к тому, что составит эпизод второй части поэмы, посвященный воспитанию Тентетникова²⁰. А определенное сходство одного из учителей Тентетникова, Федора Ивановича, с «любителем порядка», учителем Чичикова, становится связующим звеном между двумя частями поэмы.

Но тут возникает первое препятствие – одно в ряду тех, что постоянно будут тормозить завершение второго тома. Препятствие это – душевное смятение Гоголя. Правда, пока это смятение распространяется скорее на уже написанный первый том, который начинает представляться Гоголю гораздо слабее того, что суждено ему совершить в дальнейшем. В период сложного прохождения рукописи через Петербургский цензурный комитет Гоголь почти готов отказаться от ее печатания:

...когда сравню сию первую часть с теми, которые имеются быть впереди, вижу, что и нужно многое облегчить, другое заставить выступить сильнее, третье углубить (письмо П. А. Плетневу от 6 февраля 1842 г., Москва).

В письме П. А. Плетневу от 17 марта 1842 года Гоголь, все еще ожидающий цензурного решения²¹, вновь говорит о продолжении своего труда, которое только и сможет оправдать в его глазах несовершенство уже написанного, именуя при этом первый том «крыльцом» к будущему:

Ничем другим не в силах я заняться теперь, кроме одного постоянного труда моего. Он важен и велик, и вы не судите о нем по той части, которая готовится теперь предстать на свет (если только будет конец ее непостижимому странствию по цензурам). Это больше ничего, как только крыльцо к тому дворцу, который во мне строится.

Этот же образ повторится с некоторыми вариациями несколько месяцев спустя в письмах, которыми Гоголь сопровождает отсылку своим друзьям уже вышедшей первой части. Собираясь отправиться в «последнее и, может быть, самое продолжительное удаление из отечества», возврат из которого для него будет «возможен только через Иерусалим», Гоголь сообщает А. С. Данилевскому:

Через неделю после этого письма ты получишь отпечатанные «Мертвые души», преддверие немного бледное той великой поэмы, которая строится во мне и разрешит, наконец, загадку моего существования (письмо от 9 мая 1842 г., Москва).

То же в письме В. А. Жуковскому от 14 (26) июня 1842 года уже из Берлина:

Посылаю вам *Мертвые души*. Это первая часть. <...> Я переделал ее много с того времени, как читал вам первые главы, но все, однако же, не могу не видеть ее малозначительности в сравнении с другими, имеющими последовать ей частями. Она в отношении к ним все мне кажется похожей на приделанное губернским архитектором наскоро крыльцо к дворцу, который задуман строиться в колоссальных размерах, а, без сомнения, в ней наберется не мало таких погрешностей, которых я пока еще не вижу.

По предположению Ю. В. Манна, прямое отношение к продолжению поэмы имеет также характерное для писем Гоголя этого времени упоминание о том, что работает он «с молитвою»:

Тружусь, работаю с молитвою и стараюсь не быть свободным ни минуты. Испытав на опыте, что в праздные минуты к нам ближе искушитель, а Бог

---

²⁰ ПСС-1. Т. VII. С. 398–399, 318.

²¹ См.: ПСС-2. Т. 7. Кн. 2. С. 478–480.

далее, я теперь занят так, что не бывает даже времени написать письмо к ближнему человеку. <...> Работать нужно много особенно тому, кто пропустил лучшее время своей юности и мало сделал запасов на старость (письмо Н. Н. Шереметьевой от мая – 4 июня 1842 г., С.-Петербург)²².

21 мая 1842 года на прощальном обеде у Аксаковых в день именин Константина, в присутствии Погодина и Шевырева, Гоголь, по словам С. Т. Аксакова, «в третий раз обещал, что через два года будет готов второй том „Мертвых душ“, но приехать для его напечатания уже не обещал»²³. О том же вспоминал и П. Кулиш: «...в третий раз обещал, что через два года будет готов второй том „Мертвых душ“, вдвое толще первого»²⁴. Сходным образом сообщала и В. С. Аксакова в письме М. Г. Карташевской:

Ты меня спрашивала, когда явится второй том. Вот что сказал Гоголь сам: что ровно через два года выйдет другой том, и еще гораздо более объемом этого, но печатать он не будет сам, а хотел прислать отесиньке²⁵. Но два года, не правда ли, это слишком долго ждать (письмо от 21 июня 1842 г., Гаврилково)²⁶.

Впрочем, более раннее письмо В. С. Аксаковой М. Г. Карташевской несколько противоречит только что приведенному:

Написана ли вторая часть – этого никто не знает; <то> е<сть> что она у него является уже ясною в голове, это он сам говорит; но он был даже недоволен, когда спросили его, написал ли он вторую часть, недоволен потому, что это не может делаться так скоро. Прежде еще он говорил отесиньке, что он до тех пор не начинает писать и описывать какое-нибудь лицо, пока оно совершенно ясно, отчетливо с ног до головы, не явится перед ним²⁷.

---

²² См. также: В поисках живой души. С. 175–176.

²³ История моего знакомства с Гоголем. С. 66.

²⁴ [Кулиш П.] Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем: в 2 т. СПб., 1856. Т. 1. С. 301.

²⁵ Принятое в семействе Аксаковых обращение к С. Т. Аксакову и упоминание о нем.

²⁶ Литературное наследство. Т. 58. С. 630; см. это же письмо с иной датировкой, от 29 июня: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников: науч.-крит. изд.: в 3 т. / Изд. подгот. И. А. Виноградов. М., 2011–2013. Т. 2. С. 824.

²⁷ Литературное наследство. Т. 58. С. 628.

Вдали от России

В мае 1842 года Гоголь вновь уезжает за границу. В его планах – паломничество к Гробу Господню, условием совершения которого мыслится окончание второго тома:

...помните, что путешествие мое еще далеко. Раньше окончания моего труда оно не может быть предпринято ни в каком случае, и душа моя для него не в силах быть готова. А до того времени нет никакой причины думать, чтобы не увиделись опять, если только это будет нужно (письмо С. Т. Аксакову от 6 (18) августа 1842 г., Гастейн).

Этим же планом он делится и с Н. Н. Шереметевой:

А что я не отправляюсь теперь в путь, то это не потому, чтобы считал себя до того недостойным. <...> Но я потому не отправляюсь теперь в путь, что не пришло еще для этого время, мною же самим в глубине души моей определенное. Только по совершенном окончании труда моего могу я предпринять этот путь. <...> Окончание труда моего пред путешествием моим так необходимо мне, как необходима душевная исповедь пред святым причащением (письмо от 24 декабря 1842 г. (5 января 1843 г.), Рим).

В гоголевских письмах 1842 года вновь, теперь уже гораздо более настойчиво, звучит тема воспитания и наставничества, не случайная, если вспомнить содержание первой из сохранившихся глав второго тома. Так, передавая П. В. Нащокину предложение Д. Е. Бенардаки (о нем см. в разделе о прототипах поэмы) стать наставником его сына, Гоголь пишет:

Вы можете видеть уже сами, что ваше воспитание отнюдь не должно походить на так называемое гувернерское. Оно должно быть ближе к душе и к сердцу, все в разговорах, а не в книгах. Жизнь, живая жизнь должна составить ваше учение, а не мертвая наука (письмо П. В. Нащокину от 8 (20) июля 1842 г., Гастейн).

И слова эти, действительно, отзовутся в первой главе второго тома – в истории становления Тентетникова и описании педагогической деятельности его наставника Александра Петровича:

Он утверждал, что всего нужнее человеку наука жизни. Что, узнав ее, он узнает тогда сам, чем он должен заняться преимущественнее²⁸.

В июле 1842–1843 годов Гоголь просит С. Т. Аксакова прислать ему труды по статистике, этнографии, истории, а также сочинения религиозного и духовного характера:

...Памятник веры, такой совершенно, как у Ольги Семеновны, и Статистику России Андросова <...>. Кажется, вышел какой-то толстый том от мин<истерства> внут<ренних> дел. – А Григория Сергеевича²⁹ попрошу присылать мне реестр всех сенатских дел за прошлый год с одной простой отметкой: между какими лицами завязалось дело и о чем дело. Этот реестр можно присылать частями при письмах ваших. Это мне очень нужно. Да, чуть было не позабыл еще попросить о книге Кошихина, при ц<аре> Ал<ексее> Михайловиче (письмо С. Т. Аксакову от 15 (27) июля 1842 г., Гастейн).

---

²⁸ ПСС-2. Т. 8. С. 13.

²⁹ Один из сыновей Аксакова, который в это время служил прокурором в Симбирске.

Имелись в виду книги: «Памятник веры, представляющий благочестивому взору христианина празднества, православной церковью установленные св. угодникам Божиим с кратким описанием их жития» (М., 1838); «Хозяйственная статистика России» В. Андросова (М., 1827); «Материалы для статистики Российской империи, издаваемые при Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел» (СПб., 1839–1841), «О России в царствование Алексея Михайловича» Г. К. Кошихина (СПб., 1840).

Девять месяцев спустя в письме от 7 (19) апреля 1843 года из Рима Гоголь просит теперь уже Н. Я. Прокоповича прислать ему издание Ф. В. Булгарина «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях» (СПб., 1837). Н. Н. Шереметеву он просит извещать его «обо всех христианских подвигах, высоких душевных подвигах, кем бы ни были они произведены» (письмо от ноября 1842 г., Рим).

Все это были книги и материалы, нужные Гоголю для второго тома – для изображения повседневной русской жизни³⁰.

Друзья на просьбы Гоголя реагировали несколько лениво. С. Т. Аксаков эту леность прокомментировал впоследствии следующим образом:

Надобно признаться, что почти все поручения Гоголя насчет присылки статистических и других книг, а также выписок из дел и деловых регистров исполнялись очень плохо; а между тем очевидно, что все это было ему очень нужно для второго тома «Мертвых душ»³¹.

Старший брат поэта Н. М. Языкова П. М. Языков, этнограф, геолог и историк, сходным образом медлил с исполнением обещания прислать Гоголю «собрание слов и описание крестьянских ремесел», им составленное. «Гоголь ждет: ему теперь нужны эти оба предмета», – жаловался родным Н. М. Языков в письме от 28 декабря 1842 года (9 января 1843 года) из Рима³².

Но при этом вопросы московских друзей, скоро ли будет окончен новый труд, не прекращались. Гоголь отвечал:

Верь, что я употребляю все силы производить успешно свою работу, что вне ее я не живу и что давно умер для других наслаждений. Но вследствие устройства головы моей я могу работать вследствие только глубоких обдумываний и соображений... (письмо С. П. Шевыреву от 16 (28) февраля 1843 г., Рим³³).

О том, с какого времени Гоголь за границей начал всерьез работать над вторым томом, существуют разные мнения. Комментаторы старого академического издания считают, что Гоголь принялся за продолжение «Мертвых душ» лишь к осени 1843 года³⁴. По мнению Ю. В. Манна, ссылающегося на римское письмо Н. М. Языкова брату (в нем, правда, о втором томе конкретно не говорится), работа возобновилась раньше:

Гоголь ведет жизнь очень деятельную, пишет много; поутру, т<о> е<сть> до 5 ч<асов> пополудни, никто к нему не впускается, ни в будни, ни в

---

³⁰ См.: В поисках живой души. С. 177–178.

³¹ Гоголь в воспоминаниях современников / Ред. текста, предисл. и коммент. С. И. Машинского. М., 1952. С. 165.

³² Литературное наследство. Т. 58. С. 646.

³³ Ср. еще один, на этот раз скорее ироничный, отзыв Н. М. Языкова в письме А. М. Языкову от 5 мая 1843 года о времяпрепровождении Гоголя в это время: «Гоголь еще неизвестно куда пустился из Эмса. Теперь он собирает все критики, писанные на „Мертвые души“, <...> он, дескать, затем и выдал первую часть, не написавши остальных, чтоб воспользоваться суждениями литераторов и все переправить!!! Кумушка, мне странно это!...» (Там же. С. 664). О том, что Гоголь мог умышленно медлить с продолжением «Мертвых душ», желая «извлечь побольше для себя пользы из разноречивых отзывов критики о уже вышедшем к тому времени первом томе», см.: ПСС-1. Т. VII. С. 399.

³⁴ См.: Там же.

праздник; это время все посвящено у него авторству, творческому уединению, своему делу, а после обеда отдыхает у меня. Что же он сочиняет? – Не знаю... (письмо от 4 (16) февраля 1843 г.)³⁵.

В уже упомянутом выше письме С. П. Шевыреву от 16 (28) февраля 1843 года из Рима Гоголь, хотя и менее уверенно, чем на прощальном обеде, говорил о необходимых ему двух годах для завершения тома:

После сих и других подвигов, предпринятых во глубине души, я, разумеется, могу теперь двигать работу далеко успешнее и быстрее, чем прежде; но нужно знать и то, что горизонт мой стал чрез то необходимо шире и пространнее, что мне теперь нужно обхватить более того, что верно бы не вошло прежде. Итак, если предположить самую непрерывную и ничем не останавливаемую работу, то два года – это самый короткий срок. Но я не смею об этом и думать, зная мою необеспеченную нынешнюю жизнь и многие житейские дела, которые иногда в сила будут расстроить меня, хотя употребляю все силы держать себя от них подале и меньше сколько можно о них думать и заботиться.

При этом русские, с которыми Гоголь в это время общался и которые оставили воспоминания об этих встречах (Ф. Иордан и Ф. Чижов), о работе над вторым томом ничего не сообщали. Таким образом, единственным прямым свидетельством того, что Гоголь ранней весной 1843 года продолжил работу над вторым томом, является все то же его письмо С. П. Шевыреву. В нем по поводу речи Шевырева «Об отношении семейного воспитания к государственному», произнесенной в торжественном собрании Императорского Московского университета 16 июня 1842 года (на обложке издания значится 18 июня) и тогда же опубликованной (М.: Унив. тип., 1842. – 110 с.), Гоголь писал:

Ты, без сомнения, и не подозреваешь, что в этой статье твоей есть много, много того, к чему стремятся мои мысли, но когда выдет продолжение М<ертвых> д<уш>, тогда ты узнаешь истину и значение слов этих, и ты увидишь, как мы сошлись, никогда не говоря и не рассуждая друг с другом (письмо от 18 февраля (2 марта) 1843 г., Рим³⁶).

А между тем в Москве второй том «Мертвых душ» становится одной из «модных» тем для обсуждения в литературной среде. «Но все ждут второго тома, – пишет Н. М. Языкову Д. Н. Свербеев 2 января 1843 года, – друзья Гоголя с некоторым опасением, а завистники и порицатели, говоря: „Посмотрим, как-то он тут вывернется“»³⁷. С. Т. Аксаков тоже торопит Гоголя:

Хотя я очень знаю, что действия ваши, относительно появления ваших созданий, заранее обдуманы, что поэт лучше нас, рядовых людей, прозревает в будущее, но (следую, впрочем, более убеждениям других, любящих также вас людей) теперь много обстоятельств требуют, чтоб вы, если это возможно, ускорили выход второго тома «Мертвых душ». Подумайте об этом, милый друг, хорошенько... Много людей, истинно вас любящих, просили меня написать вам этот совет. Впрочем, ведь мы не знаем, такое ли содержание

---

³⁵ Литературное наследство. Т. 58. С. 651–652; см.: *Мани Ю.* В поисках живой души. С. 176.

³⁶ О сути «схождения» Гоголя с Шевыревым см.: Там же. С. 174.

³⁷ *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя: в 4 т. М., 1892–1897. Т. 4. С. 104.

второго тома, чтобы зажать рот врагам вашим? Может быть, полная казнь их заключается в третьем томе (письмо от 6–8 февраля 1843 г.)³⁸.

Гоголь же лапидарно отвечает из Рима С. Т. Аксакову, сославшись на свое письмо Шевыреву от 16 (28) февраля 1843 года, которое мы уже приводили выше:

Относительно 2-го тома «М<ертвых> д<уш>» я уже дал ответ Шевыреву, который вам его перескажет (письмо от 6 (18) марта 1843 г.).

Отголосок этой эпистолярной беседы, в которой доминировал недовольный голос Гоголя, можно услышать в третьем письме из «Четырех писем по поводу „Мертвых душ“» (1843):

И откуда вывел ты заключение, что второй том именно теперь нужен? Залез ты разве в мою голову? почувствовал существо второго тома? По-твоему, он нужен теперь, а по-моему, не раньше, как через два-три года, да и то еще, принимая в соображение попутный ход обстоятельств и времени. Кто ж из нас прав? Тот ли, у которого второй том уже сидит в голове, или тот, кто даже и не знает, в чем состоит второй том?³⁹

16 (28) марта 1843 года Гоголь в письме из Рима сообщил В. А. Жуковскому, что желает поселиться вместе с ним в Дюссельдорфе, и в письме этом звучит тема второго тома «Мертвых душ»:

А я думаю даже пожить в Дюссельдорфе, и мысль эта занимает меня сильно. Мы там в совершенном уединении и покое займемся работой, вы *Одиссеей*, а я *Мертвыми душами*.

Однако из летнего письма С. Т. Аксакову можно понять, что к работе Гоголь, во всяком случае до середины июля 1843 года, не приступал. «Слухи, которые дошли до вас о М<ертвых> д<уш>», всё ложь и пустяки. Никому я не читал ничего из них в Риме, и верно нет такого человека, который бы сказал, что я читал что-либо вам неизвестное. Прежде всего я бы прочел Жуковскому, если бы что-нибудь было готового, – писал он. – Но, увы, ничего почти не сделано мною во всю зиму, выключая немногих умственных материалов, забранных в голову» (письмо от 12 (24) июля 1843 г., Баден-Баден). Эта информация подтверждается и письмом Н. М. Языкова А. М. Языкову и П. М. Бестужевой от 26 мая (7 июня) 1843 года из Гастейна: «Слух, будто бы Гоголь читал в Риме великой княгине <Марии Николаевне> вторую часть „Мертвых душ“, несправедлив – тем паче, что эта вторая часть еще не написана»⁴⁰.

Та же полемика с друзьями присутствует и в письме Гоголя Н. Я. Прокоповичу от 16 (28) мая 1843 года из Мюнхена, в котором он чуть не впервые сам называет «Мертвые души» эпопеей:

Говорил ли я когда-нибудь тебе, что буду сим летом в Петербург? или что буду печатать 2 том в этом году? и что значат твои слова: *Не хочу тебя обижать подозрением до такой степени, что будто ты не приготовил 2-го тома М<ертвых> д<уш> к печати?* Точно М<ертвые> д<уши> блин, который можно вдруг испечь. <...> Где ж ты видел, чтобы произведший эпопею произвел сверх того пять-шесть других. Загляни в жизнеописание сколько-нибудь знаменитого автора или даже хоть замечательного. Что ему

---

³⁸ Гоголь в воспоминаниях современников. С. 182.

³⁹ ПСС-1. Т. VIII. С. 296.

⁴⁰ Литературное наследство. Т. 58. С. 664. Ср. более раннее письмо А. М. Языкова брату от 5 мая 1843 года: «Здесь даже был слух из Петербурга, что ты познакомился с Вельгурским и даже обратил на себя милостивое внимание великой княгини (помнится, представлялся ей). Гоголь будто читал ей 2-й том „Мертвых душ“, где прекрасно расписаны Москва и Петербург» (Там же).

стоила большая обдуманная вещь, которой он отдал всего себя, и сколько времени заняла? Всю жизнь, ни больше ни меньше. <...> От меня менее всего можно требовать скорости тому, кто сколько-нибудь меня знает. Во-первых, уже потому, что я терпеливее, склонен к строгому обдумыванию и притом еще во многом терплю всякие помешательства от всяких болезненных припадков. М<ертвых> д<уш> не только не приготовлен 2-ой том к печати, но даже и не написан. И раньше двух лет (если только мои силы будут постоянно свежи в это время) не может выйти в свет. А что публика требует 2-го тома, это не резон. <...> Да и почему знает она, что такое будет во 2 томе? Может быть, то, о чем даже ей не следует и знать и читать в теперешнюю минуту, и ни я, ни она не готовы для 2 тома. Тебе тоже следует подумать и то, что мои сочинения не должны играть роли журнальных статей и что ими не нужно торопиться всякую минуту, как только замечаешь, что у публики есть аппетит.

16 (28) августа 1843 года Гоголь переезжает к В. А. Жуковскому в Дюссельдорф, где остается до ноября 1843 года. В сентябрьском письме П. А. Плетневу он по-прежнему дает неутешительную версию появления новых своих сочинений, имея, скорее всего, в виду в том числе и поэму:

Сочиненья мои так связаны тесно с духовным образованием меня самого, и такое мне нужно до того времени вынести внутреннее сильное воспитание душевное, глубокое воспитание, что нельзя и надеяться на скорое появление моих новых сочинений (письмо от 24 сентября (6 октября) 1843 г.).

Впрочем, когда в ноябре Гоголь из Дюссельдорфа отправился в Ниццу, Жуковский в письме Н. Н. Шереметьевой дал несколько иную версию творческого настроения и творческих планов Гоголя: «Он отправился от меня с большим рвением снова приняться за свою работу, и думаю, что много напишет в Ницце» (письмо от 6 (18) ноября 1843 г.⁴¹). И действительно, в Дюссельдорфе, как позже и в Ницце, Гоголь продолжал интересоваться темами, которые, как *post factum* легко можно понять, могли быть ему полезны в труде над поэмой. Своего земляка, помещика и уездного судью Н. Д. Белозерского, он вопрошал: «Насколько вообще уездный судья может сделать доброго и насколько гадостей?» (письмо от 18 (30) августа 1843 г., Дюссельдорф). Н. М. Языкова просил прислать ему очередную порцию книг: сочинения епископа Барановича, Дмитрия Ростовского, комплект журнала «Христианское чтение» за 1842 год и др. (письмо от 23 сентября (5 октября) 1843 г., Дюссельдорф⁴²). И уже из Ниццы написал Жуковскому:

Я продолжаю работать, то есть набрасывать на бумагу хаос, из которого должно произойти создание *Мертвых душ*. Труд и терпение, и даже приневоливание себя, награждают меня много. Такие открываются тайны, которых не слышала дотоле душа. И многое в мире становится после этого труда ясно. Поупражняясь хотя немного в науке создания, становишься в несколько крат доступнее к прозрению великих тайн Божьего создания (письмо от 20 ноября (2 декабря) 1843 г.).

Данное письмо позволило впоследствии П. В. Анненкову (который с лета 1841 года и до середины 1846 года с Гоголем не виделся и судил не по личным наблюдениям, а по опубликованным уже к тому времени документам) отнести первое уничтожение рукописи второго тома «Мертвых душ» к 1843 году:

---

⁴¹ Жуковский В. А. Сочинения: В 6 т. 7-е изд., испр. и доп. СПб., 1878. Т. 6. С. 504; см. также: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников... Т. 2. С. 55.

⁴² См.: В поисках живой души. С. 177.

В смысле этих слов ошибиться, кажется, нельзя: набрасывание хаоса, из которого должно произойти создание «Мертвых душ», не может относиться ни к продолжению поэмы, ни к отделке какой-либо части ее. Не о постепенности в творчестве или обыкновенном ходе его говорит это место, а о новой творческой материи, из которой начинают отделяться части создания по органическим законам, сходным с законами мироздания. Старая поэма была уничтожена; является другая, при обсуждении которой открываются тайны высокого творчества с тайнами, глубоко схороненными в недрах русского общества. Обновление поэмы было полное...⁴³

Данную версию несколько скорректирует Н. С. Тихонравов:

Признавая переворот, обозначившийся в конце 1843 года в истории создания поэмы, мы не видим основания предполагать уничтожение рукописи «Мертвых душ»: о нем не говорит пока и автор, ясно определивший в письме к Плетневу необходимость остановки в создании поэмы⁴⁴.

По мнению исследователя, набрасывание на бумагу «хаоса» представляло собой, скорее всего, начальный этап серьезной работы Гоголя над вторым томом осенью 1843 года – его первой редакцией, выработка которой, начатая задолго до этого, растянулась на долгое время⁴⁵.

Что касается расположения к творчеству, будто бы наметившегося в Ницце, то Гоголь создает его сам, заставляя себя писать. «Гребу решительно противу волн...» – сообщает он из Ниццы Н. М. Языкову (письмо от 21 декабря 1843 г. (2 января 1844 г.)). Также и в советах Языкову писать, не дожидаясь вдохновения, из более раннего письма, посланного из Дюссельдорфа 23 октября (4 ноября) 1843 г., явно слышится собственный опыт Гоголя⁴⁶. О трудностях, которые он испытывает (притом, что конкретно «Мертвые души» чаще всего не называются), Гоголь пишет из Ниццы и Жуковскому, хотя в словах его уже звучит надежда на скорое изменение обстоятельств:

Я по мере сил продолжаю работать тоже, хотя все еще не столько и не с таким успехом, как бы хотелось. А впрочем Бог даст, и я слышу это, работа моя потом пойдет непременно быстрее, потому что теперь все еще трудная и скучная сторона. Всякий час и минуту нужно себя приневоливать, и не насильно почти ничего нельзя сделать (письмо от 27 декабря 1843 г. (8 января 1844 г.)).

«В Ницце не пожилось мне так, как предполагал», – признается он месяцем позже Н. М. Языкову (письмо от 3 (15) февраля 1844 г.). За этим, правда, последовала отповедь корреспондента, позволяющая предположить, что зима 1843–1844 годов не была столь непродуктивной в творческом отношении, как то хотел показать Гоголь своим друзьям:

...но ведь ты не просидел же всей зимы бездейственно, т<о> е<сть> делал свое дело – т<о> е<сть> писал много! (письмо от 27 февраля 1844 г., Москва⁴⁷).

Возможно, что в этот период Гоголем уже были написаны главы, относящиеся к той части второго тома, которая впоследствии была уничтожена. Во всяком случае, А. О. Смирнова вспо-

---

⁴³ Анненков П. В. Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года. С. 102–103; с полным обновлением поэмы Анненков связывал и появление таких лиц, как Муразов и Костанжогло (см.: Там же. С. 104).

⁴⁴ Сочинения Н. В. Гоголя. 10-е изд. Т. 3. С. 540; опровержение версии Анненкова см.: В поисках живой души. С. 178.

⁴⁵ См.: Там же. С. 179.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Переписка Н. В. Гоголя. Т. 2. С. 381.

минала впоследствии о чтении Гоголем в один из грозовых дней в период его пребывания в Ницце в 1843–1844 годах «отрывков из второй и третьей части „Мертвых душ“» – чтении, в котором он тут же и раскаялся:

Дело шло об Уленьке, бывшей уже замужем за Тентетниковым. Удивительно было описано их счастье, взаимное отношение и воздействие одного на другого... Тогда был жаркий день, становилось душно. Гоголь делался беспокоен и вдруг захлопнул тетрадь. Почти одновременно с этим послышался первый удар грома, и разразилась страшная гроза. Нельзя себе представить, что стало с Гоголем: он трясся всем телом и весь потупился. <...> Когда после я приставала к нему, чтобы он вновь прочел и дочитал начатое, он отговаривался и замечал: «Сам Бог не хотел, чтобы я читал, что еще не окончено и не получило внутреннего моего одобрения...»⁴⁸

Здесь, правда, следует иметь в виду, что на этот эпизод, как полагал Ю. В. Манн, могли наслоиться впечатления Смирновой от последующих чтений: «...едва ли в начальных главах поэмы <...> действие продвинулось так далеко – до женитьбы Тентетникова», Гоголь же «имел обыкновение читать произведения с самого начала»⁴⁹.

К началу 1844 года относится и невольная мистификация Гоголем своих московских друзей. Будучи в Ницце, он попросил С. П. Шевырева купить в Москве в подарок от него С. Т. Аксакову, М. П. Погодину, Н. М. Языкову и самому Шевыреву «четыре миниатюрные экземплярика Подражания Христу» Фомы Кемпийского⁵⁰ (письмо Шевыреву от 21 января (2 февраля) 1844 г., Ницца). Тогда же он послал друзьям письмо, в котором объяснял значение «душевной книги» (письмо С. Т. Аксакову, М. П. Погодину, С. П. Шевыреву, январь 1844 г., Ницца), самого Шевырева заклиная при этом:

Ни книжек не отдавай без письма, ни письма без книжек, ибо в письме заключается рецепт употребления самого средства, и притом мне хочется, чтоб это было как бы в виде подарка вам на новый год, исшедшего из собственных рук моих. Прислать вам отсюда книги нет средств; в конце письма ты увидишь лаконические надписочки, которые разрежь ножницами и наклеи на всяком экземплярике. Подарок этот сопровождается сильным душевным желаньем оказать вам братскую помощь, и потому Бог, верно, направит его вам в пользу (письмо от 21 января (2 февраля) 1844 г., Ницца).

В письме С. Т. Аксакову от 29 января (10 февраля) 1844 г. из Ниццы он так прокомментировал свой жест:

И, благословясь, решился послать вам одно средство против душевных тревог, которое мне помогало сильно. Шевырев вручит вам его в виде подарка на новый год⁵¹.

С. Т. Аксаков, узнав, что прибыл сверток от Гоголя, решил, что это – второй том «Мертвых душ». По свидетельству Н. М. Павлова, впервые опубликовавшего воспоминания Аксакова, на копии гоголевского письма впоследствии он сделал надпись: «Конечно, мне теперь

⁴⁸ Висковатов-Висковатый П. Из рассказов А. О. Смирновой о Н. В. Гоголе // Русская старина. 1902. Т. 115. Кн. 9. С. 490; см. также: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников... Т. 2. С. 240.

⁴⁹ В поисках живой души. С. 182, 190.

⁵⁰ Полное назв. в рус. пер.: О подражании Иисусу Христу четыре книги, или Фомы Кемпийского златое сочинение для христиан, с латинского языка вновь переведенное и исправленное, к которому присовокуплены при конце каждой главы Правил для жизни и Молитвы; с описанием жизни сего знаменитого Автора и всех его сочинений. 3-е изд. СПб.: в тип. Ив. Глазунова, 1827.

⁵¹ Об игре отражений в агиографическом зеркале, каким для Гоголя был трактат Фомы Кемпийского, см.: Подорога В. А. Мимесис: материалы по аналит. антропологии лит.: в 2 т. М., 2006. Т. 1. С. 209.

самому смешно: как я мог убедить себя, что дело идет о „Мертвых душах“! Но мое ослепление разделили все наши»⁵². Было ли причиной «ослепления» ранее данное Гоголем обещание именно к 1844 году закончить поэму?⁵³ Или то была просто надежда увидеть второй том законченным? К тому же Аксаковы возлагали в это время именно на второй том надежду разрешить «недоумения» по поводу Гоголя, усиливающиеся мистические настроения которого начинали их беспокоить. Как писал Иван Аксаков в письме С. Т. Аксакову от 30 апреля 1844 года из Астрахани, «...я все-таки боюсь, что новое его направление или не новое <...> не повредило ему в его созданиях. При этом глубоко серьезном углублении в самого себя не забудет ли он мир внешний? Впрочем, появление 2-го тома «М<ертвых> д<уш>», если только оно когда-нибудь будет, разрешит наши недоумения и загадки, и тогда, может быть, мы и устыдимся, что не поняли его...»⁵⁴.

С 10-х чисел апреля 1844 года Гоголь опять оказывается во Франкфурте в обществе В. А. Жуковского, однако сведений, что он читал ему, как было обещано, что-либо из второго тома, у нас нет. В июле он отвечает на вопросы Н. М. Языкова, и опять уклончиво:

Ты спрашиваешь, пишутся ли М<ертвые> д<уши>? И пишутся и не пишутся. Пишутся слишком медленно и совсем не так, как бы хотел, и препятствия этому часто происходят и от болезни, а еще чаще от меня самого. На каждом шагу и на каждой строчке ощущается такая потребность поумнеть, и притом так самый предмет и дело связано с моим собственным внутренним воспитанием, что никак не в силах я писать мимо меня самого, а должен ожидать себя. Я иду вперед – идет и сочинение, я остановился – нейдет и сочи<нение>. Поэтому мне и необходимы бывают часто перемены всех обстоятельств, переезды, обращение к другим занятиям, не похожим на вседневные, и чтение таких книг, над которыми воспитывается человек. Но... распространяться боюсь, чтобы не нагородить какой-либо путаницы (письмо от 2 (14) июля 1844 г., Франкфурт).

Два месяца спустя в письме Жуковскому из Остенде от 20 августа (1 сентября) 1844 года Гоголь вновь выражает намерение «засесть» с ним «во Франкфурте солидным образом за работу». Вернувшись во Франкфурт, в октябре 1844 года Гоголь просит Н. Н. Шереметеву молиться:

...чтобы ниспослал он, милосердный Отец наш, освежение моим силам, которое мне очень нужно для нынешнего труда моего и которого недостает у меня, и святое вдохновение на то, чтобы совершить его таким образом, чтобы он доставил не минутное удовольствие некоторым, но душевное удовольствие многим, и чтобы всех равно более приблизил к тому, к чему мы все ежеминутно должны более и более приближаться, то есть к нему самому, небесному Творцу нашему (письмо от 14 (26) октября 1844 г., Франкфурт).

Сходным настроением проникнуто и письмо Гоголя в Париж А. М. Виельгорской:

О себе скажу вам пока только, что нечего о себе сказать. Слава Богу, нахожусь в положении обыкновенном, т<о> е<сть> не сижу совершенно за делом, но не бегаю от дела и прошу Бога о ниспослании нужного одушевления

---

⁵² История моего знакомства с Гоголем. С. 128.

⁵³ См.: В поисках живой души. С. 183–184.

⁵⁴ Аксаков И. С. Письма к родным, 1844–1849 / изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 75–76; трактовку эпизода с дарением друзьям книги Фомы Кемпийского см.: Десницкий В. А. Задачи изучения жизни и творчества Гоголя // Н. В. Гоголь: материалы и исслед.: в 2 т. / под ред. В. В. Гиппиуса. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 76.

для труда моего, свежести сил и бойкости пишущей руки (письмо от 11 (23) ноября 1844 г., Франкфурт).

Очевидно одно: если во Франкфурте Гоголь и продолжал трудиться над поэмой, то держал ход работы в тайне. С этим связано свидетельство издателя харьковского альманаха «Молоди́к» (1843–1844) и сборника «Антология из Жан Поля Рихтера» (1844) И. Е. Бецкого, побывавшего в конце 1844 года у Жуковского, в гостях у которого жил тогда Гоголь, а затем уже в Париже рассказывавшего А. И. Тургеневу о бездействии писателя. А. И. Тургенев, упомянув это свидетельство в разделе «Хроники русского в Париже», публиковавшейся на страницах журнала «Москвитянин», тем не менее, нашел нужным сделать оговорку:

...думает <Бецкий>, что Гоголь ничего не пишет: так ему показалось, но Жуковский извещал меня, что он все утро над чем-то работает, не показывая ему труда своего (запись, датированная 27 декабря 1844 г. (8 января 1845 г.)⁵⁵).

И все же заметим: именно 1844 годом датируется обращенная к Н. М. Языкову статья «Предметы для лирического поэта в нынешнее время», вошедшая впоследствии в «Выбранные места из переписки с друзьями», в которой Гоголь говорил о возможности добраться когда-нибудь до третьего тома «Мертвых душ».

---

⁵⁵ [Тургенев А. И.] Хроника русского в Париже // Москвитянин. 1845. № 3. Смесь. С. 5; то же: *Он же*. Хроника русского; Дневники (1825–1826 гг.) / Изд. подгот. М. И. Гиллельсон. М.; Л., 1964. С. 243.

Первое сожжение

Новый серьезный кризис в работе Гоголя над вторым томом пришелся на конец зимы – лето 1845 года, будучи связан в том числе и с ухудшением его здоровья. В начале 1845 года он уезжает в Париж, где проводит месяц вместе с графом А. П. Толстым, начав заниматься изучением чина божественной литургии. Его «внутреннее воспитание продолжается»⁵⁶, А. О. Смирновой же он сообщает:

...здоровье мое слабеет, и не хватает сил для занятий (письмо от 12 (24) февраля 1845 г., Париж).

План поездки в Иерусалим Гоголь уже более не связывает с окончанием второго тома. Вернувшись из Парижа во Франкфурт, он пишет Н. Н. Шереметьевой:

А потому помолитесь прежде всего, друг мой, о моем здравьи. Ибо, как только поможет Бог мне дотянуться до будущего года, то в начале его и не откладывая уже на дальнейшее время, отправляюсь в Иерусалим. <...> А вы молитесь Бога, чтобы ниспослал мне силы совершить это путешествие так, как следует, как должен совершить его истинный христианин (2 (14) марта 1845, Франкфурт; в письме Гоголя ошибочно проставлена дата 14 февраля).

Аналогичное признание делает он и Н. М. Языкову:

Изнурился как бы и телом, <и> духом. Занятия не идут никакие. Боюсь хандры, которая может усилить еще болезненное состояние (письмо от 3 (15) марта 1845 г., Франкфурт).

Впрочем, письмо А. О. Смирновой, написанное Гоголем всего несколько дней спустя, свидетельствует о том, что переживаемый духовный и творческий кризис он начинает уже рассматривать как необходимый и «животворный»:

Нельзя изглашать святыни, не освятивши прежде сколько-нибудь свою собственную душу, и не будет сильно и свято наше слово, если не освятим самые уста, произносящие слово. Друг мой добрый и прекрасный, помолитесь обо мне, помолитесь сильно и крепко, чтобы воздвигнул Господь во мне творящую силу. Благодатью Духа Святого она может только быть воздвигнута, и без сей благодати пребывает она, как мертвый труп, во мне, и нет ей оживотворения. Слышу в себе силу и слышу, что она не может двинуться без воли Божией. <...> От болезни ли обдержит меня такое состояние, или же болезнь рождается именно оттого, что я делал насилие самому себе возвести дух в потребное для творенья состояние, это, конечно, лучше известно Богу; во всяком случае я думал о лечении своем только в этом значении, чтобы не недуги уменьшились, а возвратились бы душе животворные минуты творить и обратить в слово творимое, но лечение это в руках Божьих, и ему одному следует его предоставить (письмо от 21 марта (2 апреля) 1845 г., Франкфурт).

Перспектива возвращения в Россию, к чему Гоголя призывали его друзья, его не радует, но скорее смущает:

Притом приезд мой мне был бы не в радость; один упрек только себе видел бы я на всем, как человек, посланный за делом и возвратившийся с

---

⁵⁶ Сочинения Н. В. Гоголя. 10-е изд. Т. 3. С. 541.

пустыми руками, которому стыдно даже и заговорить, стыдно и лицо показать (письмо А. О. Смирновой от 21 марта (2 апреля) 1845 г.).

В том же письме Смирновой Гоголь признается: работу над вторым томом он отодвигает в сторону ради «небольшого произведения», которое «и не шумное по названию в отношении к нынешнему свету, но нужное для многих», и доставит ему «в избытке деньги, потребные для пути»⁵⁷. Что это будет за произведение – о том Гоголь пока не говорит.

А в июне – начале июля 1845 года⁵⁸ рукопись, служившую продолжением первого тома «Мертвых душ», он сжигает. Происходит это в одном из городов, куда Гоголь ездил летом 1845 года в поисках лечения – возможно, во Франкфурте, или Берлине, или Карлсбаде, или Гомбурге (Хомбурге). И единственным указанием на то, что произошло с рукописью в 1845 году и каковы были резоны Гоголя, предавшего продолжение поэмы огню, остается последнее из «Четырех писем к разным лицам по поводу „Мертвых душ“» из «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846):

Затем сожжен второй том М<ертвых> д<уш>, что так было нужно. «Не оживет, аще не умрет», говорит апостол. Нужно прежде умереть, для того чтобы воскреснуть. Не легко было сжечь пятилетний труд, производимый с такими болезненными напряжениями, где всякая строка досталась потрясеньем, где было много того, что составляло мои лучшие помышления и занимало мою душу. Но все было сожжено, и притом в ту минуту, когда, видя перед собою смерть, мне очень хотелось оставить после себя хоть что-нибудь, обо мне лучше напоминающее. Благодарю Бога, что дал мне силу это сделать. Как только пламя унесло последние листы моей книги, ее содержанье вдруг воскреснуло в очищенном и светлом виде, подобно фениксу из костра, и я вдруг увидел, в каком еще беспорядке было то, что я считал уже порядочным и стройным. Появление второго тома в том виде, в каком он был, произвело бы скорее вред, нежели пользу. Нужно принимать в соображение не наслаждение каких-нибудь любителей искусств и литературы, но всех читателей, для которых писались Мертвые души. Вывести несколько прекрасных характеров, обнаруживающих высокое благородство нашей породы, ни к чему не поведет. Оно возбудит только одну пустую гордость и хвастовство. <...> Нет, бывает время, когда нельзя иначе устремить общество или даже все поколение к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости; бывает время, что даже вовсе не следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно, как день, путей и дорог к нему для всякого. Последнее обстоятельство было мало и слабо развито во втором томе Мертвых душ, а оно должно было быть едва ли не главное; а потому он и сожжен. Не судите обо мне и не выводите своих заключений <...> Рожден я вовсе не затем, чтобы произвести эпоху в области литературной. Дело мое проще и ближе: дело мое есть то, о котором прежде всего должен подумать всяк человек, не только один я. Дело мое – душа и прочное дело жизни. А потому и образ действий моих должен быть прочен, и сочинять я должен прочно. Мне незачем торопиться; пусть их торопят другие! Жгу, когда нужно жечь, и, верно, поступаю как нужно, потому что без

---

⁵⁷ О том, что Гоголь, скорее всего, имел здесь в виду книгу, получившую впоследствии название «Выбранные места из переписки с друзьями», см. подробнее с. 43–60 и 395–402 наст. изд.; см. также: ПСС-1. Т. VII. С. 400.

⁵⁸ Н. С. Тихонравов более определенно называл начало июля 1845 года, датируя этим же временем и «завещание» Гоголя, которое он написал, «когда видел перед собою смерть». См.: Сочинения Н. В. Гоголя. 10-е изд. Т. 3. С. 513–514.

молитвы не приступаю ни к чему. <...> Верю, что, если придет урочное время, в несколько недель совершится то, над чем провел пять болезненных лет⁵⁹.

Мотивы недовольства вторым томом, которые Гоголь высказал в последнем из «Четырех писем к разным лицам по поводу „Мертвых душ“» (неубедительность и идеальность изображенного), в основном совпадали с тем, за что его и прежде, и впоследствии критиковали и С. Т. Аксаков, и В. Г. Белинский. Однако Гоголь развил эту критику со своих позиций. Позитивное содержание поэмы оказалось, посчитал он, недостаточно приближенным к читателю, поскольку не показаны были к нему «пути и дороги»⁶⁰. Однако это позитивное содержание не должно было оставаться изолированным и от низкого материала, «всей глубины <...> настоящей мерзости» общества и «всего поколения»⁶¹.

Так печально завершился первый период творческой истории второй части поэмы⁶².

---

⁵⁹ ПСС-1. Т. VIII. С. 297–299.

⁶⁰ Там же. С. 298.

⁶¹ Там же; см. также: В поисках живой души. С. 185–186.

⁶² Ср.: ПСС-1. Т. VIII. С. 400.

«Мертвые души» и «Выбранные места из переписки с друзьями»: диптих

Существует несомненная связь между сожжением второго тома, написанием «Завещания» и желанием Гоголя в конце июня – начале июля 1845 года оставить литературное поприще и «поступить в монастырь»⁶³, о котором рассказала в своих записках М. С. Сабина, дочь веймарского православного священника Стефана Сабина. Его Гоголь посетил летом 1845 года в Веймаре, где оказался проездом, отправляясь в Берлин в поисках доктора, который способен был бы его исцелить.

Эпизод этот вообще примечателен и заслуживает того, чтобы на нем остановиться подробнее. О том, что Гоголь посетил Веймар, он всего лишь дважды упомянул коротко в письмах В. А. Жуковскому и Н. М. Языкову:

Для душевного моего спокойствия оказалось мне нужным ответить в Веймаре. Гр<аф> Толстой также говел вместе со мною. Добрый веймарский священник советовал мне убедительно посоветоваться еще на дороге с знаменитым доктором в Галле, *Крукенбергом*. К сему склонял меня и граф Толстой... (письмо В. А. Жуковскому от 14 июля 1845 г.)

С Н. М. Языковым десять дней спустя он делится практически теми же впечатлениями от Веймара, что и с Жуковским:

На дороге, в Веймар<е>, говел во второй раз и приобщался. Тамошний очень добрый священник наш советовал мне непременно, едучи в Берлин, заехать по дороге в Галль, к тамошней знаменитости, доктору Крукенбергу, о котором он рассказывал чудеса (письмо от 25 июля 1845 г.).

Единственное свидетельство «извне» о пребывании Гоголя в Веймаре, которым мы обладаем, принадлежит Марфе Сабининой, дочери «доброго веймарского священника» Степана Сабина. В своем дневнике она упоминает, что Гоголь приехал в Веймар, чтобы поговорить с ее отцом о своем намерении «вступить в монастырь», и о том, что Сабинин его от того «отговорил»⁶⁴.

По умолчанию поведение Гоголя в Веймаре проливает свет на его душевное и физическое состояние и всю степень переживаемого им кризиса. Излюбленное место паломничества русских интеллектуалов, притягиваемых, во-первых, славой «немецких Афин», в которых проживали великие представители немецкой литературы и философии (Гердер, Виланд, Шиллер, Гете⁶⁵), и, с другой стороны, уже в гоголевские времена, столица герцогства, где наследной герцогиней была сестра двух русских императоров Мария Павловна, безотказно привечавшая русских путешественников⁶⁶, Веймар для Гоголя оказывается примечателен лишь возможностью побеседовать с православным священником о том кардинальном повороте в своей судьбе (постриге), который тогда ему виделся. Вспомним для сравнения, какие эмоции вызвал Веймар за полвека до посещения города Гоголем у другого русского путешественника, вопрошавшего уже у городских ворот караульного сержанта:

---

⁶³ Воронаев В. Николай Гоголь: опыт духов. биограф. М., 2014. С. 54.

⁶⁴ Записки Марфы Степановны Сабининой (1841–1860) // Русский архив. 1900. № 4. С. 534–535.

⁶⁵ См.: Дурьлин С. Н. Русские писатели у Гете в Веймаре // Литературное наследство. Т. 4–6: [И. В. Гете]. М., 1932. С. 477–486; Fahrten nach Weimar: slawische Gäste bei Goethe / Auswahl v. R. Fischer. Weimar, 1958.

⁶⁶ См. об этом нашу ст.: Dmitrieva E. Russisch-deutscher Literaturtransfer im 19. Jahrhundert: die Rolle des Weimarer Hofes // Von Petersburg nach Weimar: kulturelle Transfers von 1800 bis 1860 / Berger J., Puttkamer J., von (ed.). Frankfurt a. M.; Berlin; Bern, 2005. S. 197–220.

Здесь ли Виланд? Здесь ли Гердер? Здесь ли Гете? – «Здесь, здесь, здесь», – отвечал он, и я велел постиллиону везти себя в трактир «Слона»⁶⁷.

Гоголь же летом 1845 года все возможные места литературной и прочей славы, как мы видим, проигнорировал⁶⁸.

Доподлинно не известны ни точная дата сожжения второго тома, ни место. Более определенно можно сказать, что со второй половины июля начинается постепенный выход Гоголя из кризиса. По-видимому, к периоду уже после сожжения рукописи относится и письмо А. О. Смирновой, в котором Гоголь говорит о продолжении «Мертвых душ» как о чем-то пока еще не свершившемся, но таящем в себе большую тайну:

Вы коснулись «Мертвых душ» и просите меня не сердиться на правду, говоря, что исполнились сожалением к тому, над чем прежде смеялись. Друг мой, я не люблю моих сочинений, доселе бывших и напечатанных, и особенно «Мерт<вых> душ». Но вы будете несправедливы, когда будете осуждать за них автора, принимая за карикатуру насмешку над губерниями, так же как были прежде несправедливы, хваливши. Вовсе не губерния, и не несколько уродливых помещиков, и не то, что им приписывают, есть предмет «Мертвых душ». Это пока еще тайна, которая должна была вдруг, к изумлению всех (ибо ни одна душа из читателей не догадалась), раскрыться в последующих томах, если бы Богу угодно было продлить жизнь мою и благословить будущий труд. Повторяю вам вновь, что это тайна, и ключ от нее покамест в душе у одного только автора. Многое, многое даже из того, что, по-видимому, было обращено ко мне самому, было принято вовсе в другом смысле. Была у меня, точно, гордость, но не моим настоящим, не теми свойствами, которыми владел я; гордость будущим шевелилась в груди, – тем, что представлялось мне впереди, счастливым открытием, которым угодно было, вследствие Божией милости, озарить мою душу. Открытием, что можно быть далеко лучше того, чем есть человек, что есть средства и что для любви... Но некстати я заговорил о том, чего еще нет. Поверьте, что я хорошо знаю, что я слишком дрянь. И всегда чувств<овал> более или менее, что в настоящем состоянии моем я дрянь и все дрянь, что ни делается мною, кроме того, что Богу угодно было внушить мне сделать, да и то было сделано мною далеко не так, как следует (письмо от 13 (25) июля 1845 г., Карлсбад).

Та же надежда на возможное возвращение к работе над вторым томом присутствует и в письме Гоголя А. М. Виельгорской из Рима, куда автор «Мертвых душ» вернулся в 20-х числах октября 1845 года:

Я чувствую себя после дороги лучше; климат римский, кажется, по-прежнему благосклонствует ко мне. И милосердный Бог, может быть, вновь воздвигнет меня на труд и подаст силы и высшую всего на свете радость служить ему (письмо от 17 (29) октября 1845 г., Рим).

---

⁶⁷ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю. М. Лотман и др. Л., 1984. С. 71.

⁶⁸ Характерно, что в камер-фурьерском журнале герцогства Саксен-Веймар (Grossherzogliche Tafel in Belvedere), фиксировавшем список персон, которых Мария Павловна приглашала на свои обеды и ужины, имя Гоголя за интересующие нас числа не значится, что для веймарского двора было отнюдь не характерно. См.: Thüringisches Hauptstaatsarchiv (ТНА). Grossherzogliches Hausarchiv. XXV R 126.

Возможно, «именно 1845-й год должен быть признан начальным моментом того периода в жизни Гоголя, к которому относится написание особой молитвы к Богу о помощи при создании второго тома поэмы»⁶⁹.

О том, когда Гоголем была начата работа над новой (второй) редакцией второго тома, существует несколько версий. Н. С. Тихонравов полагал, что с июля 1845 года и до конца 1846 года Гоголем все еще ничего не было написано⁷⁰. Ему возражал Ю. В. Манн, ссылаясь на письмо Гоголя Жуковскому от 4 (16) марта 1846 года из Рима:

Здоровья наши сильно расклеиваются. Мне подчас так бывает трудно, что всю силу души нужно вызывать, чтобы переносить, терпеть и молиться. Как подл и низок человек, особенно я! Столько примеров уже видевши на себе, как все обращается во благо души, и при всем том нет сил терпеть благородно и великодушно! А он так милостиво и так богато воздает нам за малейшую каплю терпения и покорности! И среди самых тяжких болезненных моих состояний Он наградил меня такими небесными минутами, перед которыми ничто всякое горе. Мне даже удалось кое-что написать из «Мертвых душ», которое все будет вам вскорости прочитано, потому что надеюсь с вами увидеться. Мне нужно непременно вас видеть до вашего отъезда в Россию и о многом кой-чем переговорить.

Как бы то ни было, о возможном возврате к только что сожженным «Мертвым душам» свидетельствуют «Заметки, относящиеся к 1-й части», впервые опубликованные П. Кулишом под заглавием «Заметки на лоскутках. К 1-й части», в особенности финальная их часть («Весь Город со всем вихрем сплетней, преобразование бездельности жизни всего человечества в массу. <...> Противуположное ему преобразован<ие> во II <части>, занятой разорванным бездельем»)⁷¹.

Одновременно Гоголь возвращается к своему первоначальному намерению отложить путешествие в Иерусалим до окончания второго тома. «Из всех средств, на меня действовавших доселе, – пишет он Н. М. Языкову, – я вижу, что дорога и путешествие действовали благодетельнее всего. А потому с весной начну езду и постараюсь писать в дороге. Дело, может быть, пойдет, тем более что голова уже готова. Бог милостив, и я твердо надеюсь. Странная судьба книги „Путешествие в Иерусалим“ Норова, которая никак не может до меня доехать, показывает мне, что в этот <год> еще не судьба ехать и мне в Иерусалим. Впрочем, эта поездка в таком случае только предпринималась, если бы я сам был готов и кончил свою работу, без которой мне нельзя ехать, как следует, с покойной совестью» (письмо Н. М. Языкову от 14 (26) февраля 1846 г., Рим).

Месяцем ранее он описывает А. О. Смирновой свое римское окружение и светских людей, погрязших в суете (а среди них и графиню Ростопчину), как именно тех, для кого в первую очередь предназначен второй том «Мертвых душ»:

Мне трудно даже найти настоящий дельный и обоюдно-интересный разговор с теми людьми, которые еще не избрали поприща и находятся покамест на дороге и на станции, а не дома. Для них, равно как и для

⁶⁹ Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. Вып. 3. СПб., 1909. С. 9 (речь идет о «Молитве о создании поэмы „Мертвые души“»; см.: Там же. С. 9–11).

⁷⁰ Сочинения Н. В. Гоголя. 10-е изд. Т. 3. С. 545.

⁷¹ Сочинения и письма Н. В. Гоголя: в 6 т. Т. 4: Мертвые души. СПб.: изд. П. А. Кулиша, 1857. С. 546–548; см. также: Сочинения Н. В. Гоголя. 10-е изд. Т. 3. С. 254–255; ПСС-1. Т. VI. С. 692–693; ПСС-2. Т. 7. Кн. 1. 759 (опубл. под названием «К 1-й части»). Ю. В. Манн, правда, полагал, что заметки эти могли быть написаны раньше, в 1840 году, когда Гоголь, «завершая работу над первым томом, одновременно приступил ко второму» (В поисках живой души. С. 195; уточненную датировку (1845–1846 годы) см.: ПСС-2. Т. 7. Кн. 2. С. 813).

многих других люд<ей>, готовятся «Мертвые души», если только милость Божья благословит меня окончить этот труд так, как бы я желал и как бы мне следовало. Тогда только уяснятся глаза у многих, которым другим путем нельзя сказать иных истин. И только по прочтении 2 тома «М<ертвых> д<уш>» могу я заговорить со многими людьми сурьезно (письмо от 15 (27) января 1846 г., Рим).

В следующем, февральском, письме Гоголь вновь делится со Смирновой своими сомнениями, надеждами и планами:

Голова и мысль вызрели, минуты выбираются такие, каких я далеко недостоин, и во все время, как ни болело тело, ни хандра, ни глупая, необъяснимая скука не смела ко мне приблизиться. Да будет же благословен Бог, посылающий нам всё! И душе, и телу моему следовало выстрадаться. Без этого не будут «Мертвые души» тем, чем им быть должно. Итак, молитесь обо мне, друг, молитесь крепко, просите молиться и всех тех, которые лучше нас и умеют лучше молиться, чтобы молились о том, дабы вся душа моя обратилась в одни согласно-настроенные струны и бряцал бы в них сам Дух Божий. <...> Лето все буду ездить по Европе в местах, где не был, осенью по Италии, зиму по островам Средиземного моря, Греции и, наконец, в Иерусалим. Теперь же ехать в обетованную землю не могу по многим причинам, а главное, что не готов – не в том смысле, чтобы смел думать, будто могу быть когда-либо готовым к такой поездке, да и какой человек может так подготовиться? Но потому, что в самом деле не спокойно на душе, не сделал еще того, вследствие чего и по окончании чего полагал только совершить эту поездку (письмо от 20 февраля (4 марта) 1846 г., Рим).

В марте 1846 года, в то время как первый том «Мертвых душ» готовится к переизданию, у Гоголя возникает мысль о возможности работы над обоими томами сразу.

Прошу вас, если будете отправлять свои вещи в Россию, а с ними и мои книги, вынуть из них два экземпляра «Мертвых душ» и оставить их при вас для меня. В России они все выпроданы; я нигде не мог достать, а первая часть мне потребна при писании второй, и притом нужно ее самую значительно выправить, —

просит он Жуковского (письмо от 4 (16) марта 1846 г., Рим). Но уже в апреле признается Н. Н. Шереметьевой, что работа у него происходит неспешно:

Вы уже знаете, что я весь этот год определяю на езду: средство, которое более всего мне помогало. В это время я постараюсь, во время езды и дороги, продолжать доселе плохо и лениво происходившую работу (письмо от 9 (21) или 10 (22) апреля 1846 г., Рим).

Казалось бы, Гоголь вновь нуждается в живых впечатлениях, в конкретном материале, «сообщающем достоверность и плотность его изображению»⁷², как это было во времена его работы над первым томом. Но уже складывается впечатление, что эти живые впечатления Гоголю важны для чего-то другого. А. М. Виельгорскую он просит:

Говорите даже о том, о чем почти нечего сказать, и описывайте мне даже пустоту, вас окружающую: мне все нужно. Мне нужно знать все, что у нас

---

⁷² В поисках живой души. С. 194.

ни делается, как хорошего, так и дурного, а без того я буду все еще глуп по-прежнему и никому не делаю пользы... (письмо от 2 (14) мая 1846 г., Генуя).

Ю. Ф. Самарину, служившему в те времена чиновником в Министерстве внутренних дел, Гоголь наказывает:

Займитесь вот чем: очертите мне круг и занятия вашей нынешней должности, которою вы теперь заняты, потом круг занятий всего того отделения или департамента, которого часть составляет ваша должность, потом круг занятий и весь объем [обязанност<ей>] того округа или министерства или иного главного управлен<ия>, которого часть составляет означенное отделение или департамент по числу восходящих инстанций. Все это в самом сжатом существе самого дела и притом в том именно виде, как вы сами разумеете, а не так, как кто-либо другой. Потом объясните мне, в чем именно состоит неповоротливость и неуклюжесть всего механизма и отчего она происходит, и какие от этого бывают плоды в нынешнее время как вокруг и вблизи, так и подальше от центра (письмо от начало июля 1846 г., Рим).

Все заметнее делается практическая установка в работе Гоголя – указать людям «пути и дороги» к прекрасному⁷³. «Нельзя говорить человеку: „Делаешь не так“, не показавши в то же время, как должно делать», – напишет Гоголь Н. М. Языкову (письмо от 23 сентября (5 октября) 1846 г., Франкфурт). Последнее суждение соотносится с фразой из «Выбранных мест...» о «путях и дорогах» к «высокому и прекрасному». Так творческие планы Гоголя с «Мертвых душ» постепенно переносятся на книгу, над которой ему предстоит работать по меньшей мере два последующих года и которую мы знаем как «Выбранные места из переписки с друзьями». Параллельно Гоголь работает в это время над «Развязкой Ревизора» и предисловием ко второму изданию первого тома «Мертвых душ»⁷⁴.

Работа над «Выбранными местами...» и издание книги в 1847 году стали периодом если не полной, то, во всяком случае, частичной остановки труда Гоголя над продолжением поэмы, но вместе с тем дали ей и новый импульс. Поначалу Гоголь мыслил «Выбранные места...» одновременно как оправдание в задержке второго тома и как некоторую его компенсацию, своего рода замещение⁷⁵.

При этом книга «Выбранные места...» задумывалась все же по контрасту с «Мертвыми душами»: это должна была быть не поэма, не роман или повесть, а произведение, имеющее практический смысл и к тому же обращенное к «конкретному адресату»⁷⁶. Вместе с тем книга оставалась теснейшим образом связанной с замыслом второго тома, мыслилась как «идеологическое предисловие» к «душеполезной поэме»⁷⁷, «апробирование <ее> смысла и направления»⁷⁸, подготовка читателя к восприятию второго тома, которого все ожидали⁷⁹.

О том, что «Выбранные места...» призваны были приподнять «для публики завесу с того нового направления поэта, которое должно было выразиться полно и рельефно в новой редак-

---

⁷³ Там же. С. 193.

⁷⁴ См.: ПСС-2. Т. 7. Кн. 2. С. 522–524, 812.

⁷⁵ В поисках живой души. С. 214.

⁷⁶ Там же. С. 199.

⁷⁷ Флоровский Г., *прот.* Пути русского богословия. М., 2009 (впервые: 1937). С. 339.

⁷⁸ В поисках живой души. С. 214.

⁷⁹ См.: Мани Ю. В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М., 2004. С. 719–720. Вспомним в этой связи эпизод присылки Гоголем в качестве подарка на новый 1844 год книги «О подражании Иисусу Христу» Фомы Кемпийского, сыгравшей роль заместителя обещанного второго тома.

ции второго тома „Мертвых душ“⁸⁰, косвенным образом свидетельствует письмо Гоголя А. О. Смирновой от 21 марта (2 апреля) 1845 года из Франкфурта:

...расход тех сочинений, которые бы мне хотелось пустить в свет, т. е. произведений нынешнего меня, а не прежнего меня, был бы велик, ибо они были бы в потребу всем. Но Бог, который лучше нас знает время всему, не полагал на это своей воли, отъявши на долгое время от меня способность творить. Я мучил себя, насиловал писать, страдал тяжким страданием, видя бессилие, и несколько раз уже причинял себе болезнь таким принуждением и ничего не мог сделать, и все выходило принужденно и дурно. И много, много раз тоска и даже чуть-чуть не отчаяние овладевали мною от этой причины. Но велик Бог, свята его воля, и выше всего его премудрость: не готов я был тогда для таких произведений, к каким стремилась душа моя, нужно было мне самому состроиться и создаться прежде, чем думать о том, дабы состроились и создались другие.

Послав П. А. Плетневу вместо обещанного второго тома поэмы рукопись «Выбранных мест...», Гоголь пишет С. П. Шевыреву:

Из этой книги ты увидишь, что жизнь моя была деятельна даже и в болезненном моем состоянии, хотя на другом поприще, которое есть, впрочем, мое законное поприще... (письмо от 23 сентября (5 октября) 1846 г., Франкфурт).

Свое согласие на переиздание первого тома «Мертвых душ» Гоголь дает со следующим условием: он должен выйти позже «Выбранных мест...»⁸¹. А за этим скрывается желание представить читателю и первый том поэмы, и продолжающуюся работу над вторым томом – но теперь уже в свете новой своей книги⁸².

В письмах 1845–1847 годов, предшествующих выходу «Выбранных мест...», Гоголь, по видимому вполне сознательно, говорит о своем «труде» («сочинении») обобщенно, так что порой трудно понять, о чем, собственно, идет речь – о втором ли томе поэмы или о книге «Выбранные места...»:

Молитесь, чтобы помог Бог мне в труде, уже не для славы и не для чего-либо другого предпринятого, но в его святое имя и в утешенье душевное брату, а не в увеселение его (письмо А. О. Смирновой от 12 (24) февраля 1845 г., Париж).

Матушке, М. И. Гоголь, Гоголь сходным образом упоминает о «сочинении», без которого ему «нельзя ехать в Иерусалим» (письмо от 13 (25) января 1847 г., Неаполь)⁸³.

Когда «Выбранные места...» наконец увидели свет – а произошло это в 1847 году, – то разгоревшаяся вокруг них полемика сделала очевидной связь, что существовала между новой книгой и замыслом второго тома гоголевской поэмы. Критики самых разных направлений обсуждали вопрос о возможности продолжения Гоголем работы над поэмой, проецируя идейный пафос «Выбранных мест...» на еще не написанный второй том «Мертвых душ». В. Г. Белинский отвечал на вопрос отрицательно, поскольку уже в «Выбранных местах...» уви-

---

⁸⁰ Сочинения Н. В. Гоголя. 10-е изд. Т. 3. С. 545–546.

⁸¹ См.: Сочинения Н. В. Гоголя. 10-е изд. Т. 3. С. 545–546. Также: ПСС-2. Т. 7. Кн. 2. С. 521.

⁸² См.: В поисках живой души. С. 198.

⁸³ О том, что речь здесь идет о «Выбранных местах...», см.: ПСС-1. Т. XIII. С. 488; иную версию см.: В поисках живой души. С. 221. Об истории путешествия Гоголя по Святой Земле см.: Гуминский В. М. Русская литература путешествий в мировом историко-литературном контексте. М., 2017. С. 440–485.

дел «потерю человека для искусства»⁸⁴. С. Т. Аксаков посчитал намеченную в «Выбранных местах...» перспективу противоречащей самой природе искусства:

Что касается до писем Гоголя к Смирновой, то это прежняя манера Гоголя выпутываться из какой-нибудь прорухи. Второму тому я не верю: или его не будет, или будет дрянь. Добродетельные люди – не предметы для искусства. Это задача неисполнимая. Я надеюсь, что Гоголь примется за прежние *пустячки и побасенки*: тут я надеюсь опять наслаждаться творческими произведениями (письмо И. С. Аксакову от 3 апреля <1847, Москва>⁸⁵).

Того же мнения придерживался и брат Николая Станкевича А. В. Станкевич в письме Н. М. Щепкину от 20 февраля 1847 года:

Вряд ли после такой книжицы дождемся чего-нибудь путного от Гоголя⁸⁶.

И. С. Аксаков, напротив, именно в новой тенденции, проявившейся в незадолго перед тем вышедшей книге, увидел залог успеха продолжения «Мертвых душ»:

...мне кажется, что Гоголь искренен, что он действует так по обязанности, налагаемой на него убеждением, что все это может быть полезно людям. Слышится иногда истинный, пронзительный голос душевной муки; право, слышатся иногда слезы! Я убежден, впрочем, что все это направление не помешает ему окончить «Мертв<ых> душ». Что если «Мертвые души» явятся, если просветленный художник уразумеет всю жизнь, как она есть, со всеми ее особенностями, но еще глубже, еще дальше проникнет в ее тайны, не односторонне, не увлекаясь досадой и насмешкой – ведь это должно быть что-то исполински-страшное. 2-й том должен разрешить задачу, которой не разрешили все 1847 лет христианства (письмо к С. Т. Аксакову от 25 января 1847 г.; Калуга⁸⁷).

Отдельный интерес представляет так и не увидевшая в свое время свет статья декабриста Г. С. Батенькова, написанная им в 1849 году в Сибири в связи с сообщением о выходе в свет второй части «Мертвых душ» Гоголя. Как нельзя лучше отражает она умонастроения эпохи: нетерпеливое ожидание продолжения поэмы и вместе с тем сомнения в том, сумеет ли «настоящее поколение», которое «оглушено временем и пространством», а также «нынешний Парнас», погрязнувший «в прозаической письменности», «встретить, как должно, новый труд известной знаменитости»⁸⁸.

Отклик заканчивается выражением опасения, что в продолжении «Мертвых душ» вновь скажутся те мистические настроения, которыми уже были проникнуты «Выбранные места...»:

Третья часть «Мертвых душ» не отделится временем. Там ожидаем: силы, идеи, реакции.

---

⁸⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 1953–1959. Т. 10. С. 60.

⁸⁵ Литературное наследство. Т. 58. С. 702; то же: История моего знакомства с Гоголем. С. 236.

⁸⁶ Литературное наследство. Т. 58. С. 700.

⁸⁷ Аксаков И. С. Письма к родным, 1844–1849. С. 347–348.

⁸⁸ [Статья Г. С. Батенькова, написанная в связи с сообщениями о выходе в свет второй части «Мертвых душ» Гоголя (1849)] / публ. Т. Г. Снытко // Литературное наследство. Т. 60: Декабристы-литераторы: [Ч.] II. Кн. 1. М., 1956. С. 317.

Наконец не скроем: нам страшно, что Гоголь впадает в мистицизм, прямой или патриотический. С этого камня преткновения нельзя сойти иначе, как напившись до полного насыщения живой воды⁸⁹.

Гоголь, со своей стороны, уже и по выходе в свет книги «Выбранные места...» продолжал просить своих корреспондентов присылать ему отклики и дополнения, описания конкретных характеров, должностных типов, житейских ситуаций, сам придумывая для них заглавия. Только теперь он это делал не столько для продолжения работы над «Выбранными местами...», второе издание которых надеялся в скором времени осуществить, сколько в перспективе работы над вторым томом «Мертвых душ». Об этом он прямо говорил А. О. Смирновой в письме от 10 (22) февраля 1847 года из Неаполя:

У меня голова находчива, и затруднительность обстоятельств усиливает умственную изобретательность; душа же человека с каждым днем становится ясней. <...> Вся книга моя долженствовала быть пробой: мне хотелось ею попробовать, в каком состоянии находятся головы и души. Мне хотелось только поселить посредством ее в голове идеал возможности делать добро, потому что есть много истинно доброжелательных людей, которые устали от борьбы и омрачились мыслью, что ничего нельзя сделать. Идею возможности, хотя и отдаленную, нужно носить в голове, потому что с ней, как с светильником, все-таки отыщешь что-нибудь делать, а без нее вовсе останешься впотьмах. Письма эти вызвали бы ответы. Ответы эти дали бы мне сведения. Мне нужно много набрать знаний; мне нужно хорошо знать Россию. Друг мой, не позабывайте, что у меня есть постоянный труд: эти самые «Мертвые души», которых начало явилось в таком неприглядном виде. Друг мой, искусство есть дело великое. Знайте, что все те идеалы, которых напичкали головы французские романы, могут быть выгнаны другими идеалами.

По-видимому, имея в виду данное письмо, И. С. Аксаков, живший в это время в Калуге, сообщает со слов Л. И. Арнольди отцу, что Смирнова получила «письмо от Гоголя, говорит, самое утешительное. Он уверяет ее, что будет 2-й том „Мертвых душ“, будет непременно, что книгу свою издал он для того, чтоб посудить и себя, и публику, что он твердо убежден, что можно выставить такие идеалы добра, перед которыми содрогнутся все, и петербургские львицы пожелают попасть в львицы иного рода! Последнее мне не нравится: все же это будут идеалы, а не живые, грешные души человеческие, не действительные лица» (письмо С. Т. Аксакову от 25 марта 1847)⁹⁰.

Еще определеннее о преемственности второго тома «Мертвых душ» по отношению к «Выбранным местам...» сам Гоголь говорил в письме А. М. Виельгорской:

Поверьте мне, что мои последующие сочинения произведут столько же согласия во мнениях, сколько нынешняя моя книга произвела разногласия, но для этого нужно поумнеть. Понимаете ли вы это? А для этого мне нужно было непременно выпустить эту книгу и выслушать толки о ней всех, особенно толки неблагоприятные, жесткие, как справедливые, так и несправедливые, оскорбительные для самых нежных сердечных струн, словом, все те толки, от которых отворачивает уши человек неопытный, несведущий в науке жизни и в науке души человеческой. Итак, не скрывайте от меня ничьих мнений о

---

⁸⁹ Там же. С. 318; сохранившийся в бумагах Батенькова отрывок его письма к Гоголю, в котором развиваются сходные мысли, см.: *Снытко Т. Г.* Г. С. Батеньков – литератор // Там же. С. 313–314.

⁹⁰ Аксаков И. С. Письма к родным, 1844–1849. С. 364.

моей книге и ради меня дайте себе труд узнавать их, поручайте также другим узнавать их повсюду» (письмо от 4 (16) марта 1847 г., Неаполь).

«Выбранные места...» были большинством рецензентов сурово раскритикованы. И самый суровый приговор прозвучал в знаменитом зальцбруннском письме из уст В. Г. Белинского. Но именно критика, полученная Гоголем в адрес книги, на которую он возлагал столь большие надежды, заставила его изменить свое к ней отношение. В «Выбранных местах...» он перестал видеть подготовительный этап для восприятия читателем второго тома «Мертвых душ». А в том, что «Выбранные места...» стали проповедью, попытавшейся «наскоро высказать смысл и содержание „Мертвых душ“», увидел слабость⁹¹. В феврале 1847 года Гоголь написал П. А. Вяземскому из Неаполя:

Здесь действовал также страх за жизнь свою и за возможность окончить начатый труд («М<ертвые> д<уши>»), страх извинительный в моих болезненных недугах, которые были слишком тяжелы. Этот страх заставил заговорить вперед о многих таких вещах, которые следовало развить во всем сочинении так, чтобы не походили они на проповедь. <...> Нет вещи, которой бы нельзя было сказать, если только сумеешь сказать поосмотрительней и полегче. Пословица не даром говорит: «Тех же щей, да пожиже влей» (письмо П. А. Вяземскому от 16 (28) февраля 1847 г.).

По контрасту с «Выбранными местами...» Гоголь выдвигает теперь новое требование – естественности и простоты, «мудрости, которой <...> необходимо надобно приобрести побольше затем, чтобы уметь, наконец, заговорить потом просто и доступно для всех о тех вещах, которые покуда недоступны» (письмо А. М. Виельгорской от 4 (16) марта 1847 г., Неаполь).

Нынешняя книга моя, – утверждает он, – есть только свидетельство того, какую возню нужно было мне поднимать для того, чтобы «Мертвые души» мои вышли тем, чем им следует быть. Трудное было время, испытанья были такие страшные и тяжелые, битвы такие сокрушительные, что чуть не изнемогла до конца душа моя. Но, слава Богу, все пронеслось, все обратилось в добро. Душа человека стала понятней, люди доступней, жизнь определительней, и чувствую, что это отразится в моих сочинениях. В них отразится та верность и простота, которой у меня не было, несмотря на живость характеров и лиц (письмо А. С. и У. Г. Данилевским от 6 (18) марта 1847 г., Неаполь).

То же почти дословно он повторяет и в письме В. В. Львову:

...одна из причин появления нынешней моей книги была возбудить ею те разговоры и толки в обществе, вследствие которых непременно должны были выказаться многие мне незнакомые стороны современного русского человека, которые мне очень нужно взять к соображению, чтобы не попасть в разные промахи при сочинении той книги, которая должна быть вся природа и правда. Если Бог даст сил, то «Мертвые души» выйдут так же просты, понятны и всем доступны, как нынешняя моя книга загадочна и непонятна. Что ж делать, если мне суждено сделать большой крюк для того, чтобы достигнуть той простоты, которою Бог наделяет иных людей уже при самом рождении их (письмо от 8 (20) марта 1847 г., Неаполь).

---

⁹¹ См. об этом: В поисках живой души. С. 217.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.